

Идеология и геополитика в Советской дипломатии периода освобождения

О. Е. Обичкина*

Национальный интерес — понятие, изначально органически чуждое дискурсу советской дипломатии. Между тем, общий государственный стиль и сущность выстроенного Сталиным государства предполагали примат государственных интересов. Гитлеровское вторжение оттеснило на второй план любые идеологические/классовые соображения, сосредоточив советскую дипломатию на классических национальных интересах, главным из которых является защита национальной территории и государственного суверенитета. Становление и рост взаимодействия в рамках антигитлеровской коалиции, основанной на союзе с либеральными демократиями — США и Великобританией — диктовал Москве поведение в духе классического «концерта держав».

Более того, после решающих побед под Сталинградом и под Курском сила победоносной Красной армии позволила Советскому Союзу не только занять полноправное положение среди трёх грандов Объединённых Наций, но и стать в последние годы войны решающей военной силой антигитлеровской коалиции. Заинтересованность же во вступлении СССР в войну с Японией умножала стремление союзников к взаимопониманию с Москвой и способствовала удовлетворению долгосрочных интересов советской дипломатии. В ходе наступательных операций 1944 г. стало очевидным, что СССР в силах освободить собственную территорию, не дожидаясь открытия второго фронта, и что освобождение стран Восточной Европы будет в руках Красной армии. Кроме того, военные успехи союзников на западе, в особенности высадка в Нормандии, во многом зависели от одновременных наступательных операций советских войск на востоке, что позволяло СССР вести политику с позиции силы.

«Тенденция к национализму» — новый стиль советской дипломатии

Это была державная политика в духе силового реализма, хотя с неизменной поправкой: речь шла о примате интересов социалистического (коммунистического) государства. В этих условиях в повестке дня советской дипломатии стояли три круга проблем:

- во-первых, надо было приблизить победу, содействовать окончательному разгрому Германии и её союзников. С этой целью СССР стремился ускорить открытие второго фронта во Франции, а также вывести из войны гитлеровских сателлитов: Финляндию, Венгрию, Румынию и Болгарию, по возможности, повернув их против Германии;
- во-вторых, выигрывая войну, надо было обеспечить длительный и выгодный СССР мир, закрепив выгодные ему границы. СССР стремился обеспечить международное признание предвоенных территориальных приращений, в частности, принадлежность СССР трёх балтийских государств, изменение границы с Польшей и Румынией, а также присоединить прикарпатские районы Чехословакии и Венгрии. Лучшей гарантией будущего прочного мира с соседями было бы создание дружественных режимов в сопредельных странах по всему периметру европейской границы от Балтики до Адриатики. Поэтому первостепенное значение приобретал вопрос о путях политического восстановления стран Восточной Европы;
- в-третьих, решающий вклад в победу над Германией и победоносное продвижение Красной Армии в Восточной Европе вывели СССР на авансцену мировой политики, что позволяло ему претендовать на участие в строительстве послевоенного мира. С одной стороны,

* **Евгения Олеговна Обичкина** — д.и.н., профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России.

советской дипломатии требовалось укреплять взаимодействие с англо-американскими союзниками, с другой стороны — препятствовать установлению их исключительной гегемонии — на континенте в целом, а в частности на Балканах — в регионе, особенно чувствительном для национальной дипломатии, которая стремилась получить свободный выход в Средиземное море. Сохраняя идеологический, марксистский дискурс документов (особенно тех, что предназначались для внутреннего пользования), советские дипломаты сознательно приглушали в отношениях с союзниками классовые мотивы своей политики. Здесь много значил опыт сравнительно недавнего прошлого. Идеологический раскол помешал участию Советской России в мирном урегулировании после Первой мировой войны, а в 1930-е гг. — созданию антигитлеровской коалиции. Что касается открывшейся возможности вернуться к имперской политике царской России, в НКВД учитывали уроки более долгого исторического соперничества с западными державами на европейской периферии, особенно вблизи черноморских проливов, на Балтике и на Балканах.

Планируя деятельность внешнеполитического ведомства, И. М. Майский¹, который в начале 1944 г. был отозван с должности посла в Лондоне и назначен заместителем наркома, тогда же представил В. М. Молотову записку «О послевоенном устройстве мира»². Долгосрочную стратегическую цель советской дипломатии Майский видел в «создании такого положения, при котором в течение длительного срока (автор записки определил его минимум в 30 лет, максимум — в 50 лет, измерив жизнью двух поколений), были бы гарантированы безопасность СССР и сохранение мира в Европе и Азии». Дипломатия должна была работать над тем, «чтобы СССР мог стать столь могущественным, что ему уже не страшна была никакая агрессия в Европе и Азии и чтобы никакой державе или комбинации держав даже в голову не могло прийти такое намерение». Эта передышка нужна для того, чтобы «по крайней мере континентальная Европа успела стать социалистической, исключая, таким образом, самую возможность возникновения войн в этой части света»³. Майский писал свою записку, только то вернувшись в Москву. Позже станет ясно, что границы политического и социального переустройства Европы в замыслах Сталина сужались до границ возможного и определялись ситуацией на местах.

Одной из первых задач ближайшего периода Майский назвал обеспечение интересов СССР в вопросе границ. Предстояло работать над тем, «чтобы СССР вышел из войны с выгодными стратегическими границами, в основу которых должны быть положены границы СССР в 1941 г.». Майский допускал возможность частичной модификации границ, например, с Польшей, Румынией и Финляндией, «в зависимости от нашей выгоды или от необходимости считаться с политикой США и Англии». Кроме

того, исходя из опыта предвоенных лет, Советскому Союзу желательно было иметь общую границу с Чехословакией. Планы обращения с Германией предусматривали отторжение территорий в пользу СССР и сопредельных стран Восточной Европы⁴.

Намечая возможные контуры послевоенной Европы, новый заместитель наркома ИД рассматривал два сценария послевоенных политических трансформаций: первый предусматривал демократизацию, второй — советизацию. Примечательно, что оба сценария подразумевали самое активное участие Советского Союза в политических преобразованиях в освобождаемых странах, но вели к различному развитию взаимоотношений с англо-американскими союзниками, а следовательно, к разным вариантам послевоенного развития Европы и мира.

Сценарий демократизации в социальном плане означал возвращение Европы в лоно довоенного пути капиталистического развития, а в политическом плане — восстановление (или установление) парламентских демократий. Восстанавливая в целом довоенный статус, он в то же время позволял надеяться на расширение за счёт СССР клуба «великих держав. В этом случае Майский предвидел «огромное усиление» США, страны «динамического империализма», следовательно, в духе ленинской вульгаты, неизбежное столкновение Соединённых Штатов с «консервативным империализмом» ослабшей Англии. Майский считал, что «в этом случае последняя будет фактором стабилизирующего порядка, и СССР может играть на противоречиях её с США. Интересы борьбы за свои мировые позиции будут толкать Англию в сторону СССР, но разница в характере социально-экономической системы /.../ будет создавать трудности в сближении между обеими странами». Вывод Майского: «если не будет пролетарских революций в Европе, то нет оснований ожидать, что отношения между СССР и Англо-американцами будут плохими»⁵. Важно, что сценарий демократизации без фундаментальных социально-экономических преобразований больше соответствовал заданной антигитлеровским союзничеством парадигме, предоставившей Советскому Союзу место в концерте великих держав.

Стратегические задачи в проекте Майского определялись не столько идеологией, сколько геополитическими интересами СССР. Майский в своей записке указывал, что «государственный строй вражеских и ныне оккупированных врагом стран должен быть реорганизован в интересах СССР»⁶. С идеологической точки зрения, не рискуя впасть в ревизионизм, заместитель наркома руководствовался актуализированной ещё в момент заключения советско-германского пакта 1939 г. работой Ленина «Детская болезнь левизны в коммунизме» и утверждённой на VII Конгрессе Коминтерна тактикой Народного фронта. В. М. Бережков — помощник Молотова по иностранным делам, вспоминал, что, когда он в 1944 г. пришёл в Наркоминдел на собеседование, Молотов

процитировал высказывание из этой работы, касающееся тактических союзов с социальными и политически родственными слоями, спросив, узнаёт ли он источник. Правильный ответ свидетельствовал о внимании молодого сотрудника к изменениям линии высшего руководства⁷. Именно на эту практику заместитель наркома Майский сослался, развивая сценарий «демократизации». Он указывал: важно, чтобы искомое политическое устройство европейских стран базировалось «на принципах широкой демократии в духе идей народного фронта».

Если во Франции и Чехословакии Майский видел предпосылки для реализации этой модели «без давления со стороны», то для Венгрии, Болгарии, Румынии, Греции, Югославии, Польши, Италии он считал допустимым «пустить в ход различные меры влияния извне», комментируя: «Перед этим «вмешательством во внутренние дела» наций не следует останавливаться», поскольку «демократия в государственном устройстве стран является одной из существенных гарантий прочного мира»⁸. Надо отметить, что последнее замечание идеологически полностью соответствовало либеральной идее, но в устах советского дипломата, пусть и только возвратившегося из Лондона, было бы еретическим, если бы не исключительные обстоятельства, поставившие Советский Союз в один ряд с западными демократиями в борьбе против нацизма.

СССР в кругу демократических государств

В отношениях советского руководства с союзниками возобладала кооперативная логика, в духе которой СССР как член Объединённых наций относил себя к демократическому миру, но подобная самоидентификация имела двойственный и преходящий характер. Обоснование тактического разворота коммунистической партии — партии диктатуры пролетариата — к позитивному восприятию демократии как антипода фашизма было разработано ещё в середине 1930-х годов, в связи с новым приоритетом коммунистического движения — борьбой за демократию против угрозы фашизма и войны, которая диктовала Коминтерну переход к тактике антифашистского Народного фронта. Роспуск Коминтерна в 1943 г., отвечая потребности в укреплении союза с либеральными демократиями Запада, поддерживал стремление затушевать базовую противоположность природы советского государства, с одной стороны, и, с другой стороны, двух держав, которые в советском дискурсе межвоенного периода назывались «империалистическими».

В то же время, война против нацизма действительно изменила парадигму европейского развития, выведя антигитлеровскую коалицию за рамки межгосударственного союзничества. Объединённые Нации ассоциировались с народами, боровшимися за свободу против гитлеровского порабощения, и именно эти ассоциативные «метки» определяли тогда понятие

демократии, заставляя до времени забыть об организационном несоответствии советского государства критериям парламентской демократии.

Советская дипломатия активно использовала в своих интересах противопоставление демократических держав (Объединённых Наций) — членом антигитлеровской коалиции странам германского блока для укрепления согласия с союзниками и для реализации своих политических интересов в послевоенном устройстве Восточной Европы. Пока шла война, вербальная самоидентификация страны как принадлежащей демократическому миру имела важный ассоциативный смысл, определяющий общность целей для всех Объединённых Наций, будь-то правительства или организации, представлявшие освободительные патриотические движения.

Главным критерием принадлежности демократическому лагерю в войне, разумеется, была не внутренняя либерализация режима, но решимость уничтожить германский нацизм и его союзников. Для левых сил главная линия раскола — капитализм/коммунизм уже с середины 1930-х годов на время утратила свою актуальность, сменившись антитезой фашизм/антифашизм. Эта же линия раскола со временем определила и противостояние сторон во второй мировой войне: в одном лагере находились жертвы нападения фашистских держав и их союзники, в другом — фашистские агрессоры и их сателлиты. После 22 июня 1941 г. СССР прочно занял место в строю антифашистских/антигерманских держав. Силой исторических обстоятельств лишь польское правительство в изгнании и подконтрольные ему силы национального сопротивления (Армии Крайовой) оставались в старой парадигме враждебности как гитлеровской Германии, так и Советской России.

В то же время для трёх грандов антигитлеровской коалиции приоритет общей победы над Германией отодвигал на второй план идеологические различия между союзниками. Так, Черчилль писал в личном послании Молотову: «Несмотря на мои политические взгляды, /.../ я не позволяю ничему становиться на пути между британской политикой и высшей целью, а именно целью поражения гитлеровцев и изгнания их с территорий, которые они подчинили себе /.../. Наши взгляды на эти основные цели, а также подчинение им идеологических вопросов является делом, по которому мы можем договориться»⁹. В ответе Молотов выразил полное согласие с премьер-министром: «Несмотря на известное различие политических взглядов у руководящих кругов наших стран, — писал нарком, — мы действительно можем договориться по основным вопросам, которые встают перед нами, помня, что мы — союзники в главном и основном вопросе об обеспечении поражения гитлеровской Германии и об освобождении от гитлеровцев захваченных ими территорий, а также о том, что мы твёрдо решили наладить наше сотрудничество в послевоенный период»¹⁰.

Не стоит забывать, что подобная самоидентификация СССР — государства диктатуры пролетариата — с демократическим миром, строго говоря, представляла собой типичный пример параллельного дискурса — подмены классического либерального смысла термина «демократия». Логическим выходом из этой двойственности стало рождение отправного понятия, определившего послевоенный раскол Европы на *буржуазные демократии* и страны *народной демократии* — последнее новообразование, по сути, являлось лишь омонимическим по отношению к «демократии» псевдонимом диктатуры пролетариата.

Соответственно, *демократический* сценарий освобождения в советском прочтении подразумевал опору на представителей *народного* сопротивления не только в борьбе с германскими захватчиками, но и против «реакционных» или «профашистских» правительств, причём, как в отношении союзников Гитлера, так и в отношении его жертв. Подобное противопоставление служило легитимации дублирующих политических органов, подконтрольных Москве, как в случае с эмигрантским правительством Польши.

В глазах советских руководителей демократия в тот момент выступала антитезой «консервативно-клерикальному блоку», к которому принадлежали как большинство правительств вражеских государств, так и ряд эмигрантских правительств, в частности, польское, а также монархические правительства в изгнании, в частности, королевское правительство Югославии. Заместитель наркома ИД Майский не преминул напомнить, что за эти правительства «прежде ратовали США и Англия в противовес большевизму». В изменившихся условиях, считал Майский, «есть основания думать, что по вопросу о демократическом режиме в странах послевоенной Европы сотрудничество между СССР и США и Англией окажется возможным, хотя и не всегда легким»¹¹.

Другой вариант послевоенной геополитической конфигурации предусматривал революционное развитие политических процессов в Европе в условиях освобождения и, как следствие, неизбежный новый раскол внутри антигитлеровской коалиции. Майский был убеждён: «если первый послевоенный период приведет к пролетарским революциям в Европе, то отношения между СССР и США и Англией будут носить острый характер. Основное противоречие капитализм-социализм выдвигается на первый план»¹².

Притом, что в долгосрочной перспективе прогноз Майского вполне оправдался с началом холодной войны, ближайшие задачи советской дипломатии диктовали необходимость поддержания возможно более широкой антифашистской коалиции. Оставив в прошлом обидный статус маргинала европейской политики, советская дипломатия благодаря одержанным победам, но, главное, в интересах окончательной победы над гитлеровским блоком обрела новый для неё державный стиль. В Вашингтоне отметили этот новый акцент, назвав его «тенденцией к национализ-

му»¹³, что, однако, вовсе не подразумевало отхода от большевизма, хотя и отсылало к классической практике послевоенной организации мира на основе раздела сфер влияния в парадигме «концерта держав».

Рабочие документы советского внешнеполитического ведомства содержат полученные из Вашингтона секретные материалы госдепартамента США, датированные февралём 1944 г., в которых анализировалась «доктрина Монро по-советски» «в смысле сфер безраздельного влияния». Досье было передано Комиссии Литвинова по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства¹⁴.

В материале указано, что «хотя основные принципы стратегии и тактики марксизма-ленинизма являются универсальными по своему характеру, в практике они действуют в основном в зоне безопасности Советского Союза / ... / Как часть борьбы против империализма Москва защищает марксистскую теорию, что народы могут осуществить реальное самоопределение только тогда, когда они свергнут капиталистических эксплуататоров / ... / В соответствии с этим, „федерация советских народов должна расширяться как освободительная сила“, а Красная Армия рассматривается как классовое оружие для освобождения „народа“. *Последняя тенденция к национализму* в Советском Союзе может только подчеркивать позицию советского господства в Восточной Европе. Новая доктрина, которая вытекает из войны и которая имеет некоторые корни в традициях царизма, приняла форму покровительства и защиты славянских народов, причем русские изображаются как „старшие братья“ / ... / Советский Союз рассматривает себя Протектором государств или народов Восточной Европы в частности славян в интересах собственной безопасности. Включение государств, подобно Эстонии, Латвии и Литвы, в Советский Союз и недавние сообщения об изменениях в советской Конституции, предоставляющей автономию союзным республикам в военных и иностранных делах, выдвигают возможность проведения экспансионистской программы, в которой степень советского уважения прав и независимости других европейских государств будет определяться самим советским правительством более или менее односторонне»¹⁵.

Знакомство с этим документом было очень важным для руководителей советского внешнеполитического ведомства. Он подтверждал, что западные союзники строили свою политику тесного военно-политического сотрудничества с Москвой в отношении третьих стран, принимая как абсолютную данность коммунистическую природу политической стратегии Кремля и готовы были с этой данностью мириться. Однако степень их возможного противодействия этой стратегии зависела от соотношения сил внутри союзной коалиции и от заинтересованности в главном направлении борьбы против общего врага.

Хотя в отношениях между тремя великими Объединёнными нациями преобладало стремление

к согласию, фоном его было взаимное недоверие. Черчилль волновался, что вступление советских войск в страны Центральной и Юго-Восточной Европы приведёт к ослаблению позиций Англии в регионе, и предпринимал все усилия, чтобы обеспечить британские интересы, отстаивая политическую легитимность эмигрантских правительств, нашедших убежище в Лондоне¹⁶.

По сути, речь в данном случае шла больше чем о классических сферах влияния, но о возможности распространения коммунизма в зоне, которая прежде для Запада была «буфером» между СССР и европейскими державами. Опасения не были беспочвенными. В течение 1944 г. по мере продвижения Красной армии в Центральной и Восточной Европе к советской военной и дипломатической стратегии добавлялась *политическая* стратегия, нацеленная на установление не только дружественных, но и родственных режимов. Классовые и идеологические соображения здесь были неразрывны с задачей обеспечения послевоенной безопасности СССР. Индикатором этой смены приоритетов был подход Сталина к решению польского вопроса, катализатором — Варшавское восстание.

Сложные политические процессы, связанные с ликвидацией гитлеровского «нового порядка» в поработанной Германией Европе советское руководство рассматривало, прежде всего, с точки зрения собственных государственных интересов, которые со времён установления советской власти были тождественны классовым интересам, что не могло не осложнить отношений с Лондоном и Вашингтоном. Последние, впрочем, не сомневались в неизменности внешнеполитической идентичности СССР и готовы были мириться с неизбежным социальным переустройством Европы, которое было позволено ему по праву победителя в границах его зоны безопасности. К этому следует добавить, что в Москве не было выработано единого сценария политической реорганизации Европы. Решение о поддержке или признании сил, претендовавших на руководство политическим восстановлением того или иного государства, принимали, исходя из ситуации, часто отступая от критерия идейно-классового родства.

В частности, после провала плана установления коммунистического режима в Финляндии в период советско-финской войны 1939–1940 гг., Советский Союз не возвращался к подобным проектам в период переговоров о перемирии, считая возможным договориться с правительством бывшего царского генерала Манергейма. Одним из важнейших факторов в пользу установления идейно и классово родственных правительств как в освобождённых, так и в побеждённых странах Восточной Европы было присутствие на их территории Красной армии и, соответственно, их политическое восстановление под контролем Советского Главнокомандования. Исключение составило абсолютно лояльное эмигрантское правительство Бенеша, предпочитавшее

гармоничные отношения с коммунистическим центром, сформированным в СССР. Что касается стран Западной Европы, подпадавших под контроль англо-американского командования, то в них Москва придерживалась тактики поощрения сил широкого антифашистского фронта, основанного на силах национального сопротивления в ущерб позициям англо-американского военного командования.

Новое издание тактики Народного фронта в политическом возрождении Западной Европы

По сути, отстаивая тактику Народного Фронта, т.е. отказ от лозунгов 1920-х — начала 1930-х гг., призывавших к всемирной пролетарской революции, превращению «войны империалистической в войну гражданскую» и к борьбе против мирового капитализма, советское руководство вернулось к выбору, сделанному Коминтерном в 1935 году. Он был продиктован, с одной стороны, осознанием смертельной угрозы, которую нацизм несёт коммунизму, с другой стороны, пониманием, что либеральная демократия создала наиболее благоприятные условия для легальной борьбы рабочего класса. Не следует, однако, забывать, что разворот был *тактическим*. Враждебность *буржуазным* демократиям воскресла в советском внешнеполитическом дискурсе в самый канун второй мировой войны, в августе 1939 г., когда разочарование от затянувшихся переговоров по созданию антигерманского союза с Великобританией и Францией толкнуло Сталина на подписание Пакта о ненападении с Гитлером.

Этот акт раскол антифашистский фронт. С началом второй мировой войны коммунистов стали называть «пятой колонной» врага, и взаимная враждебность между СССР и западными демократиями длилась вплоть до нападения Германии на Советский Союз и была главным мотивом англо-американцев, тянувших с открытием второго фронта. По мере усиления военной мощи СССР и укрепления союзничества Объединённых Наций обе стороны (и СССР, и западные державы) старались отойти от недавнего раскола. Политика СССР вернулась в лоно тактического союза, предполагавшего примирение с западными демократиями, по крайней мере, до окончательного разгрома Германии.

На этот выбор указывает высказывание Литвинова, которому было поручено возглавить работу над советским проектом «обращения с Францией». Сославшись на Сталина, он инструктировал членов созданной по этому случаю комиссии: «Наша комиссия с одобрения правительства должна готовить свою работу, игнорируя пока возможность серьезных социальных переворотов в Европе и исходя из существующего строя»¹⁷. Ссылка на «одобрение правительства» очень важна, так как указывает на выбор в пользу *демократического* сценария. Этим

императивом руководствовались в Москве, разрабатывая тактику коммунистических партий в отношении эмигрантских правительств стран Западной Европы, переходивших при освобождении под контроль англо-американских войск. Москва получала в них важные рычаги влияния благодаря огромному авторитету коммунистического антифашистского подполья, которое далеко не всегда априорно соглашалось мириться с восстановлением довоенного политического порядка.

Это касалось Франции, Греции и Италии. Во всех трёх случаях согласие с союзниками оставалось для Сталина абсолютным приоритетом, исключаящим революционный сценарий установления власти, опирающейся на вооружённые отряды коммунистического сопротивления. Политика возможно¹⁸ сочеталась здесь и с геополитическими интересами СССР в послевоенной Европе, и с интересами коммунистических партий в процессе политического восстановления. Советская дипломатия ратовала за создание национальных правительств на основе широкой демократической коалиции при поддержке и с участием коммунистов, которые тем самым превращались в легальную и влиятельную политическую силу будущей послевоенной Европы — весомый залог европейского влияния СССР. Этот выбор был весьма далёк от идеологических схем и диктовался оценкой ситуации на местах.

Показательной с этой точки зрения является история с признанием СССР итальянского правительства Бадольо. 30 марта в «Известиях» вышла редакционная статья «Итальянский вопрос», в которой было сказано, что «улучшение состава» правительства Бадольо и «расширение его базы в направлении демократизации» является неотложной задачей¹⁹. 16 апреля заместитель главы НКВД А. Я. Вышинский дал пресс-конференцию по итальянскому вопросу, на которой озвучил содержание представлений, сделанных на этот счёт советской стороной правительствам Англии и США. Вышинский посоветовал, что и через семь месяцев после заключения перемирия с Италией в стране не создано объединения демократических и антифашистских сил и продолжается соперничество между правительством Бадольо и Постоянной Исполнительной Джунтой. Советское руководство обратилось к англо-американским союзникам с предложением рассмотреть в Консультативном Совете по делам Италии вопрос о включении в правительство Бадольо «представителей тех слоёв итальянского народа, которые всегда выступали против фашизма», не называя, но прямо подразумевая в первую очередь коммунистов. Установление полноценных прямых отношений между СССР и правительством Бадольо должно было обеспечить политике внутреннего единства благоприятное международное сопровождение.

Думается, непосредственное отношение к этим демаршам имело и возвращение в Италию секретаря

Итальянской коммунистической партии Тольятти. 28 марта тот прибыл в Неаполь. Перед отъездом, ночью с 3 на 4 марта, лидер итальянских коммунистов выслушал советы Сталина, настаивавшего на необходимости создания в Италии единого фронта антигерманских сил, что требовало от ИКП серьёзного изменения тактики. Тольятти рекомендовалось отложить требование немедленного упразднения монархии и при возможности войти в правительство Бадольо. Сталин считал, что внутренний раскол в Италии между королём и правительством Бадольо, с одной стороны, и антифашистским сопротивлением, с другой стороны, «ослабляет итальянский народ. Это выгодно англичанам, которые хотели бы иметь слабую Италию на Средиземном море»²⁰. Геополитические соображения в данном случае преобладали над идеологическими интересами²¹, но отнюдь им не противоречили. Вернувшись в Неаполь, Тольятти выступил с инициативой формирования правительства национального единства.

Вскоре после этого правительство Бадольо было реорганизовано; в апреле 1944 г. в него вошли представители всех шести антифашистских партий, в том числе два министра-коммуниста. Те же силы руководили комитетами национального освобождения, которые стояли во главе движения сопротивления на севере страны, в той части, которая ещё находилась под немецкой оккупацией, что обеспечивало преемственность будущей национальной администрации по мере освобождения от немцев. Для облегчения задачи ИКП и в собственных интересах в Кремле намерены были придерживаться отличной от англо-американцев линии в отношении Италии, в частности, смягчить её положение среди побеждённых. Тем самым можно было одновременно и подкрепить позиции соратников из ИКП, и обеспечить на будущее геополитические интересы Москвы в Средиземноморье.

Летом 1944 г., при обсуждении записки «Об обращении с Италией»²² в наркомате ИД, в ответ на реплику Лозовского: «необходимо прекратить какую бы то ни было роль Италии и поддержать Югославию», Литвинов возразил: «Нам невыгодно, чтобы Средиземное море стало полностью английским морем. Кто нам в этом поможет? На Францию рассчитывать не приходится. Остается... Италия»²³. Спустя несколько дней комиссия Литвинова вернулась к обсуждению. Бывший нарком обосновал свою точку зрения: Италия «вступила в вооружённый конфликт с нашим государством.../ лишь в результате участия в политических комбинациях с враждебными нам государствами», следовательно «к побежденной Италии можно применить менее жесткое обращение, чем к Германии»²⁴.

Вскоре после реорганизации правительства Бадольо, 24 мая его представитель Пиетро Кварони прибыл в Москву. В Италию был направлен М. А. Костылев²⁵. 25 октября советский представитель передал

министру иностранных дел итальянского правительства решение Москвы установить с ним полные дипломатические отношения²⁶.

Решение югославского и греческого вопросов

Оно осложнялось внутренним расколом между консервативными силами, поддерживавшими эмигрантские королевские правительства в Лондоне и в Каире и подпольными центрами антифашистского сопротивления, не согласными с восстановлением довоенных режимов. Весомая роль коммунистов в партизанском подполье и огромный международный авторитет Красной Армии создавали дополнительные рычаги советского влияния. В период подготовки высадки союзников во Франции, когда укрепление сотрудничества с англо-американцами было приоритетом, Сталин предложил коммунистам тактику создания широкого национального фронта, предполагающую сотрудничество всех национальных антифашистских сил и позволявшую коммунистам получить министерские портфели. Аналогичные советы через Г. Димитрова он давал коммунистам Италии и Греции. Соответственно советская дипломатия ратовала за скорейшее восстановление суверенитета подобных коалиционных правительств, в ущерб полномочиям военного командования союзников.

В Греции объединение сил внутреннего сопротивления состоялось также не без участия СССР. Ещё в декабре 1943 г. Сталин согласился с предложением Черчилля уполномочить премьер-министра Греции Цудероса призвать греческих партизан к прекращению «гражданской войны» между собой во имя совместной борьбы против немцев²⁷. В освобождённых районах Греции, составлявших две трети территории страны, которые контролировала Народно-освободительная армия (ЭЛАС), по инициативе Национально-освободительного фронта (ЭАМ)²⁸ 12 марта 1944 г. был создан центральный орган власти — Политический комитет национального освобождения.

2 сентября 1944 г., за два дня до высадки британских войск в Греции, правительство в эмиграции и представлявший внутреннее сопротивление ЭАМ при посредничестве англичан достигли соглашения о создании коалиционного правительства. 4 сентября британские войска высадились в Греции, а 26 сентября на встрече с руководителями ЭАМ в итальянском городе Казерте было достигнуто соглашение о подчинении партизанских отрядов (ЭЛАС) британскому командованию в Средиземноморье.

Правительство национального единства во главе с Г. Папандреу, прибывшее в страну после высадки британских войск, распорядилось отстранить Национально-освободительный фронт (ЭЛАС) от управления освобождёнными районами. 1 декабря 1944 г. был издан приказ британского военного командования в Греции о разоружении партизанской армии ЭАМ. Опорой коалиционного правительства

были сформированные в эмиграции греческие части и войска британских союзников. Представители ЭАМ в знак протеста вышли из правительства Папандреу и призвали к массовой демонстрации в Афинах в поддержку ЭЛАС. Так же, как во время восстания греческих моряков, подавлением протестов занимались английские войска. В Афинах было введено военное положение. В Греции началась гражданская война, и одной из сторон противостояния были прокоммунистические партизанские отряды ЭЛАС.

Сталин считал поведение греческих коммунистов ошибкой. В беседе с Г. Димитровым 10 января 1945 г. он сказал: «Я советовал, чтобы в Греции не затевали эту борьбу. Люди ЭЛАС не должны были выходить из правительства Папандреу. Они принялись за дело, для которого у них сил не хватает. Видимо, они рассчитывали, что Красная армия спустится до Эгейского моря. Мы этого не можем делать. Мы не можем послать в Грецию свои войска. Греки совершили глупость»²⁹. Через месяц внутренний конфликт в Греции был остановлен. 12 февраля в Варкизе (под Афинами) ЭЛАС подписала соглашение. Согласно Варкизскому компромиссу, правительство отменяло военное положение, восстанавливало политические и гражданские свободы, объявляло амнистию политическим заключённым и намечало всеобщие выборы.

Союзный договор с де Голлем и интересы ФКП

Позиция Сталина в вопросе об участии коммунистов в политическом возрождении Франции также отвечала не только классовой, но и иной, державной логике, соответствующей интересам союзничества с западными демократиями и советским геополитическим интересам. Советская дипломатия стремилась максимально контролировать процесс восстановления французского суверенитета, что было не просто уже потому, что, согласно договорённостям, контроль над процессом должен был осуществляться от имени Верховного Союзного Главнокомандования англо-американскими союзниками, поскольку именно им предстояло освободить страну. В то же время, ещё в марте 1943 г. Комиссия по вопросам перемирия (Комиссия Ворошилова) обсудила и представленный союзниками проект «Основной схемы управления освобождённой Францией», и текст Декларации трёх Правительств, предназначенной для оглашения с началом освобождения страны.

Советские предложения в нескольких пунктах серьёзно отличались от планов союзников. Они ограничивали власть англо-американской военной администрации на французской территории в пользу ФКНО (Французского Комитета Национального Освобождения), что было тем более важно, что в него входили представители ФКП — первой партии внутреннего сопротивления. Контуры политической ситуации внутри французских сил освобождения

ещё не были в тот момент определены. Но в НКВД предполагали, что в силу классового родства англо-американское командование, так же как и де Голль, могли пойти на сотрудничество с перебежчиками из коллаборационистского правительства Виши, проявить больше снисходительности к бывшим сторонникам Петэна, чем к коммунистам и вернуться к антикоммунистическим законам августа 1939 года.

Поэтому советский проект предусматривал более активную роль внутреннего сопротивления в управлении Францией в период освобождения, указывая, что «при вступлении на французскую территорию одной из первых задач Верховного Союзного Главнокомандующего будет /.../ «установление тесной связи с группами сопротивления внутри Франции». «Верховный Главнокомандующий /.../ не должен иметь дел и отношений с режимом Виши, за исключением задачи по его ликвидации»³⁰. Поскольку большинство политиков правого довоенного истеблишмента поддержали правительство Виши, а также для того, чтобы исключить влияние правых сил в послевоенной Франции, в Москве посчитали нужным добавить: «Считать враждебным делу Объединённых Наций сотрудничество французских граждан как с немцами, так и с режимом Виши, и заменить этим указание союзниками на французов, которые „сотрудничали с врагом“»³¹.

Договариваясь напрямую с главами союзных держав, Сталин понимал, что ему сложно будет влиять на ситуацию во Франции, если она попадёт под контроль их военного командования. Поэтому советский проект трёхсторонней правительственной декларации к французскому народу не рассматривал высадку союзных войск во Франции как оккупацию страны, а гарантировал передачу гражданского управления французам по мере освобождения её территории.

Кроме того, поскольку в советском проекте решение вопроса о полном восстановлении суверенитета Франции относилось не к компетенции союзного (англо-американского) командования, а к компетенции союзных правительств, то мнение СССР имело здесь равное значение с мнением союзников, а в зависимости от военных обстоятельств, возможно, и решающее: «Поскольку освобождение Франции является делом союзных правительств, постольку и решение вопроса о том, когда должен быть снят военный контроль над гражданской администрацией Франции должно быть отнесено к компетенции этих правительств», — считали в Москве. В советском проекте соответствующего документа, адресованного Бельгии, была употреблена схожая формула, но в случае Бельгии вопрос был оставлен на рассмотрение Союзного Главнокомандующего³².

Наконец, советская дипломатия была заинтересована в том, чтобы мотивировать будущее руководство французского правительства на поддержание сотрудничества с ФКП. В её проекте говорилось:

«Поскольку раздробленность политических партий и групп всегда являлась отрицательным моментом политической жизни Франции, задачей /Союзного Главнокомандующего/ является в сотрудничестве с ФКНО принять все меры к максимально возможному объединению всех тех групп и партий, которые сочувствуют делу союзников»³³.

Проект союзников, исправленный с учётом советских замечаний, был отправлен в Лондон в марте 1944 года. Дальнейшая работа над проектом «Основной схемы управления освобождённой Францией» разворачивалась с апреля по ноябрь 1944 г.³⁴ и была поручена так называемой «Комиссии Литвинова» или Комиссии наркоминдела по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, составленной из патриархов советской дипломатии — Литвинова, Лозовского, Мануильского. Протоколы заседаний Комиссии наглядно демонстрируют противоречивость подходов к вопросу об «Обращении с Францией», о будущем месте Франции в Европе и, соответственно, о перспективах советско-французских отношений.

На первых порах геополитические интересы СССР непросто вписывались в проверенные идеологические схемы, отчего выступления участников обсуждения содержали взаимоисключающие положения. Впрочем, в анализе высказываний высокопоставленных советских дипломатов следует учитывать и специфику времени: разноречивые суждения в рамках одного выступления могли быть продиктованы вполне понятной в условиях сталинской эпохи осторожностью, так же как неопределённостью политической ситуации в самой Франции. Очередная смена дипломатического курса и лояльность к вчерашнему союзнику могла дорого стоить защитнику отброшенной тактики.

Глава Комиссии — Литвинов (в бытность свою наркомом иностранных дел (ИД) — защитник идеи неудавшегося советско-англо-французского пакта против Гитлера) начал своё выступление словами: «Франция так низко пала, как никогда еще ни одна великая держава. Правда, благодаря инициативе де Голля»³⁵ отдельные французские патриотические элементы стали собирать национальные силы за границей и в некоторой мере приобщились к борьбе против Германии. Это, однако, отнюдь не искупает вины Франции, как государства /.../. Вопрос в том, должны ли мы поднять Францию из той пропасти, в которую она свалилась, и помочь ей стать вновь на ноги и как ни в чем не бывало вновь, облечься в тогу великой державы, /.../ в интересах ли нашего государства искусственное возрождение Франции, можем ли мы рассчитывать на более успешное сотрудничество с ней /.../ и будет ли она на нашей стороне при тех расхождениях между объединёнными нациями, которые могут и, вероятно, будут иметь место по окончании войны».

Литвинов напоминал: «Де Голль на днях заявил, что в случае расхождения демократий с СССР, Фран-

ция должна занять свое место в борьбе за интересы Западной Европы»³⁶. Предчувствие холодной войны, т.е. понимание переходящего характера союзничества с Западом было и на пике сотрудничества фоновым соображением в геополитических планах советской дипломатии. Речь шла о том, чтобы на заключительном этапе войны, пользуясь силовым преимуществом СССР, выстроить в свою пользу соотношение сил в Европе.

Исходя из этого соображения, Лозовский выступил в пользу восстановления международного веса Франции, в качестве противовеса британскому послевоенному преобладанию, сыграв на неминуемых англо-французских империалистических противоречиях. В свою очередь, Черчилль вступался за де Голля, считая, что возрождение французского могущества должно уравновесить беспрецедентное континентальное могущество СССР. Лозовский заметил: «Крест ставить на Франции нельзя. В интересах ли Советского Союза не поддерживать возрождения Франции, как силы /.../, которая может оказать известное противодействие Англии?». Он считал, что противоречия между ними незамедлительно возникнут из-за политики Англии по развалу Французской империи, поэтому в интересах Москвы «поддерживать то буржуазное сволочное правительство, которое будет против огромных appetites, которые явно растут у англичан, хотя они еще мало сделали, чтобы оправдать их, пока они растут благодаря нашим победам. Надо сделать нашу политику более гибкой».

Мануильский поддержал коллегу: «Мы не заинтересованы в том, чтобы в Европе воцарилась гегемония англичан. Мы должны разжигать в ней (Франции) стремление стать великой державой»³⁷. Однако поскольку речь шла о срочном вопросе выстраивания отношений с ФКНО, а позже — с Временным правительством Французской республики, тогда обосновавшимся в Французском Алжире, сам же Литвинов допускал другой сценарий, на котором был основан советский проект «Обращения с Францией»: «Не исключается возможность, что Франция пойдет другим путем, и там установится власть, на дружбу с которой мы сможем прочно рассчитывать /.../ Надо поддерживать с Алжирским комитетом (ФКНО. — Е. О.) и с французскими властями, которые придут ему на смену, наилучшие отношения, не скупясь на заявления о дружбе и общности интересов»³⁸.

Москва собиралась приложить все усилия, чтобы в ходе освобождения Франция не превратилась в зону ответственности англо-американского военного командования (АМГОТ). Она проводила линию на признание суверенных прав ФКНО. 14 марта 1944 г., чтобы упредить политическое решение англо-американского командования, де Голль опубликовал Указ об организации гражданской и военной власти на территории Франции в период освобождения³⁹. Представитель ФКНО в Москве Р. Гарро примерно тогда же (11 апреля 1944 г.) позавидовал чехам, заявив,

что по сравнению с Францией, Бельгией и Норвегией Чехословацкое правительство окажется в более благоприятном положении, поскольку страна будет освобождена Красной армией и гражданское управление в ней будет организовано на «более демократической основе». Представитель де Голля надеялся, что «пример Чехословакии окажет положительное влияние» на решение англо-американских союзников об управлении Францией⁴⁰.

Между тем 3 июня 1944 г., за три дня до высадки союзников во Франции, ФКНО во главе с де Голлем провозгласил себя Временным правительством Французской Республики (ВПФР), не дожидаясь политического решения и предписаний трёх великих держав. Объединение сил внешнего и внутреннего сопротивления под эгидой де Голля, сформировавшего на их основе ВПРФ, выходило за рамки тактики Народного фронта, тождественного единению социально родственных левых сил. Оно апеллировало к *национальному* единству сил освобождения. Союз с классово чуждым коммунистам де Голлем затрагивал интересы ФКП — первой партии внутреннего сопротивления и вызывал беспокойство у её руководителя — М. Тореза, прошедшего годы оккупации в СССР. Французский вопрос надлежало решать, исходя из геополитических интересов СССР, но не забывая о будущем братской Коммунистической партии Франции.

Лидеру итальянских коммунистов П. Тольятти, возвращавшемуся из Москвы в Италию в марте 1944 г., было поручено Г. Димитровым передать французским коммунистам рекомендации, подобные тем, что он сам получил от Сталина. Адресованы они были членам ФКНО А. Марти и Р. Гюйо. В центре внимания коммунистов должны были стоять задачи борьбы с оккупантами и освобождения страны; участие в широком антифашистском фронте было главным залогом расширения политического авторитета партии. Необходимо было устранить сомнения в патриотической природе ФКП и даже рекомендовалось не выказывать «излишнее усердие в защите СССР, чтобы не давать возможности противникам представлять ФКП как агентуру Москвы», но отстаивать франко-советскую дружбу как основу восстановления внешнеполитического веса страны.

Димитров рекомендовал коммунистам конструктивно сотрудничать с де Голлем, воздерживаться от мелочных придирок, сосредоточившись на основных вопросах ведения войны, включавших создание боеспособной французской армии для борьбы с немцами, помощь внутреннему вооружённому сопротивлению и чистку армии и государственного аппарата от коллаборационистов. Обсуждение коммунистического проекта новой конституции Франции Димитров назвал преждевременным⁴¹.

23 октября 1944 г., одновременно с правительствами США и Великобритании, Советский Союз заявил о признании возглавленного де Голлем

Временного Правительства⁴² и согласился на приглашение ВПФР принять участие в новом клубе грандов антигитлеровской коалиции — Европейской Консультативной Комиссии в качестве четвёртого постоянного члена⁴³. Через месяц был решён вопрос о личной встрече де Голля со Сталиным. Де Голль прибыл в Москву 2 декабря и был удостоен торжественной встречи: вокзал украсили государственными флагами Франции и СССР, перед генералом был выстроен почётный караул⁴⁴. Подобной церемонии удостоивались тогда только те лидеры, за которыми в Москве признавали будущее.

Однако попытки де Голля на равных обсуждать со Сталиным вопросы послевоенного устройства Европы, в частности, выступить адвокатом польского правительства в изгнании, вызвали недовольство советской стороны, что едва не стоило ему главной цели визита — подписания двустороннего союзного договора против Германии. Де Голль был вынужден пойти на компромисс, пообещав послать своего представителя в Люблин, к просоветскому Польскому Комитету Национального Освобождения и тем самым первым на Западе сделал шаг к международному признанию правительства, которое стало советской альтернативой «лондонцам»⁴⁵. Зато он увозил в Париж текст Советско-французского договора о союзе сроком на 20 лет⁴⁶. Стороны обязались не участвовать в союзах и коалициях против одной из них (ст. 5), вести до победного конца войну против Германии (ст. 1), оказывать друг другу немедленную военную помощь «всеми... средствами» в случае немецкой агрессии против одной из договаривающихся держав (ст. 1), в том числе и превентивную (ст. 3).

Благодаря Договору с СССР де Голлю была обеспечена лояльность Французской коммунистической партии. Важно также и то, что общность антигерманских целей создавала условия и для совместного противодействия возможному повторению англо-американской политики 1920–1930-х годов в германском вопросе, и идеологические различия между де Голлем и Сталиным здесь не имели значения. Объясняя заключение Советско-французского договора в конце войны, де Голль заявил: «Этот союз является категорическим императивом, продиктованным географией, опытом и здравым смыслом»⁴⁷.

Таким образом, позиция СССР в вопросе восстановления суверенитета Греции, Италии и Франции диктовалась, прежде всего, реальной оценкой международной и внутренней ситуации в этих странах, следуя логике главной стратегической задачи Москвы, требовавшей сплочения антифашистских сил для приближения победы. Однако державность (отмеченный англо-американцами «национализм») и реализм в постановке неотложных целей и в принятии тактических решений сочетались с сохранением основополагающих классовых принципов советской дипломатии. Если безусловная готовность эмигрант-

ского правительства Чехословакии идти навстречу советским интересам оставляла возможность для промежуточных политических решений, для судьбы эмигрантского правительства Польши эти соображения имели решающее значение.

Чешский и польский сценарии политического восстановления освобождённых стран

Коммунизация Европы не входила в ближайшие планы Сталина. Даже для стран ближнего соседства в тот момент достаточно было лояльности в отношении СССР, признания его неотложных и долгосрочных интересов, особенно в вопросе о границах. На это указывает несхожесть сценариев политического восстановления двух стран — Польши и Чехословакии, освобождённых Красной армией, а, следовательно, попавших в зону действия Советского Главкомандования. В обоих случаях советская дипломатия могла действовать с позиции силы. Мнение Москвы было решающим в вопросе о будущем польского и чехословацкого правительств, что вызывало понятную напряжённость в отношениях с Черчиллем.

В начале 1944 года, рассуждая о послевоенном равновесии в Европе и намечая выгодную СССР расстановку сил вблизи советских границ, заместитель наркома ИД Майский говорил о создании «сильной и жизнеспособной» Польши, но при этом оговорился, что в Москве «не заинтересованы в нарождении *слишком* сильной Польши»⁴⁸. Одновременно Майский считал, что «выгодно стремиться к созданию сильной Чехословакии», поскольку советско-чехословацкий «пакт», подписанный сроком на 20 лет, может стать «важным проводником нашего влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе»⁴⁹. В реальности дело было не столько в геополитическом весе ближайших соседей СССР, сколько в содержании их курса в отношении Советского Союза. Если глава чехословацкого правительства в изгнании Бенеш и словацкие патриоты искали дружбы и союза с СССР, то польское эмигрантское правительство (в Москве его членов называли «лондонскими поляками»), принимая как данность перспективу освобождения своей страны Красной армией, оставалось на антисоветских позициях.

Оно отказывалось признать советскую версию расстрела в Катыни и не соглашалось с главным требованием Сталина относительно признания новой советско-польской границы, указывая, что установлена она была в сентябре 1939 года, после нападения Гитлера на Польшу, в условиях оккупации. Подобное противодействие планам Москвы со стороны польского правительства в изгнании соединяло геополитический и идеологический мотивы внешней политики Кремля. Прочную послевоенную безопасность страны надлежало обеспечить, окружив себя союзниками-сателлитами, самые верные из которых — союзники по классу.

Чехословацкий сценарий

Восстановление суверенитета Чехословакии по мере её освобождения советскими войсками предусматривало также восстановление территориального единства расчленённого в 1938 г. чехословацкого государства⁵⁰. Президент Чехословакии Бенеш, нашедший убежище в Лондоне, стал союзником СССР, заключив с ним в декабре 1943 г. Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве на 20 лет. Стороны обязались совместно бороться с гитлеровской Германией и не участвовать в коалициях, направленных против одной из договаривающихся сторон⁵¹. В перспективе этот договор должен был стать основой послевоенной системы безопасности Восточной Европы, исключавшей изоляцию СССР, а Чехословакии, во избежание повторения Мюнхена, обеспечивал прикрытие не только с запада, но и с востока⁵².

В Москве планировали подключить к этой системе и Польшу, но Бенеш, хорошо осведомлённый о настроениях в польском эмигрантском правительстве, не преминул предостеречь Москву и в достаточно резких выражениях. Содержание высказывания дошло в пересказе Молотова: «Бенеш ведёт себя неплохо /.../ Когда мы с Бенешем подписывали договор, то не закрыли дверь для присоединения Польши к договору. Тогда Бенеш сказал, что с реакционными кругами Польши ничего не выйдет, их надо *перерезать*»⁵³.

Бенеш дорожил союзом с Москвой, тем более что, пока он находился в Лондоне, в СССР образовался второй центр эмиграции — единый центр компартии Чехословакии (включая представителей компартии Словакии) во главе с К. Готвальдом. Этот центр имел сильные позиции в чехословацких частях, сформированных на территории СССР. Они принимали активное участие в войне с Германией в составе советских войск⁵⁴, и это контрастировало с поведением командира польской дивизии Андерса. Дивизия была сформирована и вооружена Советским Союзом, но отказалась воевать против Германии под советским командованием.

К официальным контактам Москвы с чехословацким правительством в Лондоне с конца 1943 года добавилось тайное сотрудничество, инициированное патриотически настроенной группой в высшем руководстве Словакии, которой угрожала германская оккупация. Гитлер, вынужденный отступить под натиском Красной армии, задумал создать мощный оборонительный плацдарм вдоль границ Рейха, и, не надеясь на стойкость словаков, готовился ввести в Словакию германские части для удержания восточного фронта. Узнав об этом, группа высокопоставленных словацких военных решила на антигитлеровское выступление и запросила СССР о поддержке. 7 декабря 1943 г. начальник чехословацкой военной миссии в СССР полковник Пика сообщил, что военные круги Словакии готовятся сопротивляться германской оккупации и поднять против немцев все

патриотические силы, что они уже создали подпольный центр, связанный с чешским правительством в Лондоне. Пика запрашивал, может ли СССР оказать им помощь в случае восстания⁵⁵.

В Москве медлили с ответом, поскольку прежде чем связывать себя подобными обязательствами, необходимо было прояснить вопрос о целях организаторов восстания⁵⁶, а это было непросто. Во-первых, инициатива исходила от членов марионеточной словацкой верхушки, во-вторых, чешских дипломатических и военных представителей подозревали в двойной игре⁵⁷, зная, что министр обороны эмигрантского правительства требовал от них донесений о военном и экономическом положении СССР, чтобы затем передать их английской разведке⁵⁸. Москве требовалось достойное доверия подтверждение о связи этой группы оппозиционеров со словацким антифашистским подпольем, но ни у Москвы, ни у Заграничного бюро Коммунистической партии Чехословакии на тот момент не было связи в Словакии.

Весной 1943 г. главой Коминтерна Г. Димитровым в Словакию был послан К. Шмидке — руководитель Компартии Словакии, который стал там членом Национального Совета Словакии и членом Военного Совета Словакии (все три организации — подпольные). Жена Шмидке в его отсутствие оставалась в Москве, но связь с ним была временно потеряна. Вместе с тем, 1 марта 1944 г. Г. К. Жуков⁵⁹ доложил Сталину, что, хотя руководство Генштаба Красной армии считает предложенный словаками план восстания «нереальным», но полагает «целесообразным рассматривать операцию в Словакии только как возможность создания большого плацдарма активной партизанской борьбы /.../, так как он свяжет известные силы немцев»⁶⁰.

11 апреля 1944 г. советская армия вышла к границам Чехословакии, и Э. Бенеш отметил в приветственном послании Сталину: «Наши совместные испытания и теперешняя наша совместная борьба гарантируют постоянство нашего союза как на сегодняшний день, так и для нашего будущего /.../ Горючо и с благодарностью приветствуем части Красной армии, вступающие совместно с чехословацкими солдатами на землю нашей дорогой родины»⁶¹. 8 мая 1944 г. было подписано инициированное Бенешем ещё в феврале Соглашение об отношениях между советским главнокомандующим и чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии⁶².

Москва предложила, чтобы проект был составлен чехословацкой стороной⁶³. В преамбуле Соглашения указывалось, что оно подчинено желанию обоих правительств, чтобы отношения эти «*были решены в духе дружбы и союза*». В документе содержалось напоминание, что СССР не признал и осудил решения Мюнхенской конференции и включение Чехии и Словакии в состав Германской империи в марте 1939 года. Для послевоенной судьбы Чехословакии

первостепенное значение имела ссылка на Советско-чехословацкий договор 1943 г., в котором было заявлено, что после восстановления мира стороны будут следовать принципам уважения к их независимости и суверенитету, равно как невмешательства во внутренние дела.

Советское правительство обязалось содействовать восстановлению чехословацкой армии — важнейшему слагаемому суверенитета в годы войны. Исходя из этих принципов, ст. 1 Соглашения предоставляла Главнокомандующему союзническими (советскими войсками) «власть и ответственность на чехословацкой территории лишь в пределах зоны военных операций и лишь в делах, относящихся к ведению войны». Чехословацкое правительство «полностью берёт в свои руки власть управления общественными делами», и должно оказывать советскому командованию всестороннее содействие через все свои гражданские и военные органы, а граждане страны и состав чехословацких вооружённых сил вне зоны боевых действий подлежат юрисдикции правительства Чехословакии.

В то время как ещё до подписания Соглашения его проект одобрил Рузвельт⁶⁴, Черчилль пытался воспрепятствовать соглашению. В тот момент он вёл крайне напряжённый и неприятный диалог со Сталиным по польскому вопросу. Возможно, он рассчитывал соединить решение чешского и польского вопросов в одном ключе, что на тот момент уже не соответствовало планам Москвы. В то время как отношение Москвы к польскому эмигрантскому правительству всё более ужесточалось, атмосфера сотрудничества с эмигрантским правительством Чехословакии служила моделью конструктивного взаимодействия и союза довоенного политического истеблишмента, национальных антифашистских сил и наступающих советских армий. Это согласие решило в пользу Бенеша вопрос о власти, однако не могло ускорить освобождения страны. Ожесточённое германское сопротивление отодвинуло полное освобождение Чехословакии на долгие месяцы, вплоть до победного мая 1945 г.

Партизанское подполье было одним из важных факторов успехов Красной армии, и в мае 1944 г. К. Готвальд — руководитель Загранбюро КПЧ в Москве, — специально ездил в Киев, чтобы вместе с советскими товарищами разработать план развития партизанского движения на чехословацкой территории. 17 июня 1944 г. было принято соответствующее постановление КП(б) Украины. Было решено начать переброску в Чехословакию опытных советских партизанских командиров и чехословацких граждан, которые уже участвовали в действиях украинских и белорусских партизан⁶⁵.

Первый заместитель начальника Генштаба РККА генерал Антонов и генерал Голиков — заместитель наркома обороны по кадрам, считали, что, «если по политическим соображениям предложение

чехов будет Вами (Сталиным) приемлемо», можно обещать чехословацкому правительству помощь оружием и людьми (переброской одной чехословацкой, сформированной в СССР, и одной советской парашютно-десантной бригад) и «порекомендовать чехам отказаться от мысли строить стабильную оборону всей Словакии против немцев в начальной фазе операций, а использовать эти две бригады как ядро для развёртывания мощного партизанского движения за счёт мобилизации и вооружения местного населения».

Вместе с тем Антонов оговорился, что такая операция была бы «очень трудной» для советской стороны, потребовала бы привлечения большого количества транспортной авиации и была бы связана с большими людскими и материальными потерями. Судя по всему, *политические* соображения Сталина относительно Чехословакии уже обсуждались в военных ведомствах. Поэтому Антонов и Голиков считали, что «поскольку для нас выгодно взять в свои руки строительство будущей чехословацкой армии, следует обещать чехам просимое ими, с учётом того, что мы не будем передавать чехам для организации производства наиболее секретные образцы нашего вооружения»⁶⁶.

Ситуация в Словакии начала проясняться в начале августа 1944, когда была установлена связь между Москвой и словацким коммунистическим подпольем. Руководитель словацких коммунистов Карл Шмидке, агент Димитрова в Словакии, буквально «с неба свалился», приземлившись на самолёте в расположении советской армии. Его личность удостоверял помощник Димитрова⁶⁷. Показательно, что коммунист Шмидке прилетел на самолёте, предоставленном словацким военным министром Чалтошем, в сопровождении подполковника Ферьенчика — члена подпольного Военного Совета⁶⁸. Они передали в Генеральный штаб РККА рекомендации, «как лучше сделать, чтобы вся словацкая армия приняла участие в борьбе против немцев».

Подпольные Национальный Совет и Военный Совет «договорились о координации выступления Словацкой армии и всего народа вместе с Красной армией», но заявили о решимости, «если что-либо случится», выступить самостоятельно. Шмидке заверил: «Армия всецело в нашем распоряжении. Военный министр, зная, куда мы направляемся, дал нам план и различные другие документы, которые мы привезли сюда, и он находится всецело в наших руках»⁶⁹. В беседах с генералом Славиным Шмидке сообщил, что в Словакии, наряду с правительством Тиссо, действовал Национальный совет, ведущей силой и основательницей которого явилась коммунистическая партия Словакии. В его составе 8 коммунистов и 8 представителей других партий (их Шмидке в первой беседе назвал «гражданскими»). Упомянул Шмидке и подполковника Голиана — начальника словацкого Генштаба. Он был введён 17-м

членом Национального совета. Шмидке утверждал, что коммунисты являлись ведущей партией в стране и что её поддерживали 60–70% населения. «Общее настроение всех кругов за тесный союз с Советским Союзом и за обеспечение всех мероприятий, направленных к продвижению Красной армии и за полный разгром гитлеровской Германии»⁷⁰.

Немаловажным для отношения советского руководства к словацкому подполью было также желание Шмидке связаться с Г. Димитровым и К. Готвальдом — главой КП Чехословакии, поскольку представленная им самим словацкая компартия была создана «на месте». В результате этих встреч Молотов получил и передал в отдел международной информации ЦК ВКП (б) пространные записки «О некоторых задачах национально-освободительного движения в Словакии» и «Некоторые практические мероприятия по организации связи со Словакией», датированные 23 августа⁷¹.

Содействие словацкого военного министра подпольному Национальному Совету свидетельствовало об обоюдном стремлении к единству действий двух центров Сопротивления — связанной с Бенешем патриотической оппозиции словацких военных и подпольного Национального Совета, созданного коммунистами. Почти одновременно с Шмидке и Ферьенчиком, но желая их опередить, в СССР перелетел эмиссар начальника штаба словацкой армии полковника Голиана, действовавшего в конкуренции с военным министром.

Донесение об этом было направлено Молотову наркомом госбезопасности Меркуловым и сопровождалось сведениями советского агента К. Грина, неблагоприятными для группы Голиана: «В связи с резким ухудшением военного положения Германии и боязнью расплаты за союзничество с немцами перед Советским Союзом и своим народом, настроенным /.../ в подавляющем большинстве просоветски, Голиан, в целях спасти себя и *буржуазный строй* Словакии, решил, создав видимость своей тайной работы против немцев, связаться с советским командованием и при вступлении Красной Армии на территорию Словакии повернуть словацкие войска против немцев. Эти планы словацкой верхушки одобряются чехословацким правительством в Лондоне. Группа Голиана ориентируется на Англию и устанавливает контакт с советским командованием лишь под влиянием военной обстановки»⁷².

Несмотря на тесное сотрудничество и союз с правительством Бенеша, с ним не было *классового* родства. В то же время, не было и исторического груза враждебности, которой были отмечены отношения с польским эмигрантским правительством. В отличие от сложного положения в польском антигерманском подполье, внутренняя ситуация в Словакии в большей степени соответствовала целям советской дипломатии. Несмотря на это, советская сторона не торопилась поощрять заговорщиков из словацкой

армии к организации фронтального вооружённого сопротивления немцам. Советский Генштаб располагал более достоверными сведениями об оперативной обстановке и германских силах и посчитало предложенный словаками план нереальным.

План предполагал, что советские войска используют перевалы, занятые словацкой армией, и сумеют за ночь захватить значительную часть страны», но «он не принимал в расчёты возможных контрмер гитлеровцев. А самое главное, он был составлен так, как будто не существовало мощной обороны противника на подступах к Карпатам». Кроме того, в Москве опасались, что соседняя Венгрия может принять самое активное участие в подавлении восстания на стороне Гитлера⁷³. Между тем, 27 августа Пика известил Сталина о германских планах оккупировать Словакию уже в ближайшие дни и о решении Голиана оказать сопротивление немецким войскам. Бенеш одобрял решение и просил советское командование поддержать восставших⁷⁴. Германские войска, направленные из Польши, Чехии и Австрии, были введены в Словакию 29 августа 1944 г., и той же ночью Голиан отдал приказ о начале вооружённого сопротивления немцам, а назавтра Словацкий национальный совет объявил о свержении марионеточного правительства Тисо. Восстание охватило $\frac{2}{3}$ территории страны. Центром его стал г. Банска Быстрица. Здесь 1 сентября Совет принял Декларацию с требованиями восстановления единства Чехословакии и демократических преобразований. Из Москвы в Банску Быстрицу советским самолётом прибыла группа руководителей Компартии Чехословакии во главе с Я. Швермой. Против восставших немцы бросили свыше 30 тыс. солдат, включая 2 танковые дивизии.

2 сентября Готвальд передал через Димитрова наркому иностранных дел Молотову записку «К событиям в Словакии». В документе говорилось, что в стране «развёртывается мощная вооружённая народная война против вторгшихся немецких войск» и подчёркивалось, что компартия, «которая имеет сегодня решающее влияние в народе, принимала самое активное участие в подготовке восстания». По оценке Готвальда, «развернувшаяся в Словакии борьба является подлинно народным, глубоко демократическим освободительным движением». В то же время Готвальд указывал, что восстанием руководит Словацкий Национальный Совет, политическая платформа которого предполагает создание демократической Чехословацкой республики и «прочную дружбу с Советским Союзом». Одновременно позиция Готвальда была отмечена классовым духом соперничества с «буржуазным» правительством Бенеша: «Заявление лондонского правительства, что оно руководит этой борьбой, мы считаем бахвальством, объявление Лондоном словацкого национального войска частью чехословацкой армии считаем преждевременным и вредным в политическом и военном отношении»⁷⁵.

В Москве считали иначе. Советские самолёты доставили в Словакию несколько чехословацких подразделений и соединений советских партизан, оружие и боеприпасы. В ответ на запрос посла Чехословакии о подчинении эмигрантскому (лондонскому) правительству чехословацких корпусов, сформированных, вооружённых и переброшенных в страну из СССР, так же как партизанских соединений, заместитель наркома А. Вышинский 22 сентября подтвердил, что «советское правительство, разумеется, признаёт за объединёнными силами сопротивления на чехословацкой территории права войска воюющей страны»⁷⁶.

Восстание внесло коррективы в военные планы советского командования. Выполняя просьбу ЦК КПЧ о срочной помощи, 8 сентября начали наступление войска левого крыла Первого Украинского фронта, в который входил чехословацкий корпус, а 9 сентября — Четвёртого Украинского фронта. Но на их пути лежал сильно укреплённый горный перевал Дукла. Через месяц ожесточённых боёв, 6 октября советские и чехословацкие части вступили на территорию Словакии. Посол Чехословакии в Москве Фирлингер 8 октября 1944 г. телеграфировал в Лондон Масарику — министру иностранных дел своего правительства: «Советы сделали для Словакии всё, что было в их силах. Наступление на Карпаты было предпринято по нашей просьбе и означает тяжёлые потери для Красной армии. Как на грех, подвело командование обеих словацких дивизий в Восточной Словакии, которые должны были поддерживать наступление». Далее посол советовал просить Москву «немедленно послать в Словакию опытного советского генерала, который представлял бы там Верховное командование Красной армии», чтобы «помочь координировать действия всех частей, в частности, войсковых и партизанских». В телеграмме содержалось прямое указание на роль Москвы в восстановлении единства Чехословакии: «В Словакии это оказало бы также хорошее политическое воздействие, так как влияние Советского Союза всегда будет объединяющим в духе нашего союзнического договора»⁷⁷.

Тон ответной телеграммы министра должен был подействовать на посла отрезвляюще. Видимо, в окружении Бенеша далеко не все готовы были безоглядно полагаться на СССР. «С глубокой благодарностью мы признаём, что сделали для нас Советы. Мы чрезвычайно удивлены Вашим утверждением, что *Советы предприняли карпатское наступление по нашей просьбе*. Что касается Лондона, то такой просьбы не было. В действительности как раз наоборот. Я лично вёл переговоры о русской помощи, причём исключительно о поставках оружия, и вначале я очень ясно констатировал, что /.../ мы просим помощи лишь в рамках советской стратегии и что мы очень хорошо знаем, что ради нас они не будут предпринимать никакого наступления». Масарик просил посла сообщить, кто конкретно просил о карпатском наступлении, и добавил: «Если это произошло в Мо-

ске, то я снимаю с себя всякую ответственность»⁷⁸. Посол должен был успокоить Масарику, что о возможности подобной операции военный представитель Пика говорил как о плане чехословацкого военного командования, но действительно ни о чём конкретно, кроме оружия, не просил. Фирлингер добавил: «В этом отношении Советы ни в чём нас не упрекают»⁷⁹.

Красная армия продвигалась в Словакии с тяжёлыми боями. Параллельно с наступлением решались вопросы помощи голодающему словацкому населению сожжённых немцами деревень. Командующий чехословацким армейским корпусом генерал Свобода попросил посольство обратиться в НКВД за продовольственной помощью, поскольку, как сообщил сам генерал, чтобы спасти своих соотечественников от голода, он вынужден был урезать рацион своих бойцов. По личному приказу Сталина в тот же день начальнику тыла 1-го Украинского фронта было дано указание передать Свободе 500 кг муки для безвозмездной помощи населению освобождённых районов⁸⁰. Между тем немцы 27 октября заняли центр восстания — город Банску Быстрицу и заставили партизан отступить в горы. Руководство восстанием перешло к Главному штабу партизанского движения во главе с советским полковником А. Н. Асмоловым, действовавшему до конца войны.

Стратегический выбор Бенеша в пользу тесного союза с СССР способствовал решению непростого вопроса о границах. Действенность советско-чехословацкого союза для послевоенной безопасности Восточной Европы требовала установления общей границы с Чехословакией, во избежание повторения печального предвоенного опыта неудавшегося антигерманского военного союза, который не состоялся из-за противодействия Польши, отказавшейся пропустить советские войска для помощи Чехословакии в случае германской агрессии. План территориальных преобразований, затрагивавших довоенную территорию Чехословакии, был озвучен в записке Литвинова «Об обращении с Германией». В документе говорилось: «Если бы Чехословакия согласилась уступить нам Подкарпатскую Украину (в чехословацких документах — Карпатская Украина, в более поздних советских — Закарпатская Украина. — Е. О.), тогда можно было бы предложить ей в виде компенсации некоторую часть Верхней Силезии»⁸¹.

Присоединение сопровождалось демократической процедурой: 26 ноября 1944 года собрание местных комитетов территории Карпатской Украины, освобождённой Красной армией, приняло постановление о присоединении к СССР. Этот вопрос обсуждался на переговорах в Москве в конце декабря 1944 г., и советская сторона дала понять чехословацким представителям, что хотела бы, чтобы эта часть прежней территории Чехословакии была добровольно передана СССР в соответствии с волеизъявлением её населения.

29 декабря Немец — уполномоченный эмигрантского правительства в Москве, в крайне осторожном письме, составленном так, чтобы исключить даже намёк на какое-либо давление со стороны советских властей, советовал Бенешу немедленно заняться проблемой Карпатской Украины, причём так, чтобы самому проявить инициативу в этом вопросе. Говоря о ситуации на местах, Немец предостерег чехословацкие органы от попыток немедленно восстановить суверенитет над этой территорией: «Исключено, чтобы чехословацкие административные органы могли действовать на Карпатской Украине против воли местного населения. В данном случае это означало бы господствовать путём насилия против народа и намерений советских военных органов, которые хотят полного спокойствия в своём тылу».

Отказ от притязаний Немец считал крайне важным для дальнейших отношений с Москвой. «Дело теперь в том, используем ли мы стремление карпатского народа для улучшения нашей позиции или будем ждать, пока карпатский народ осуществит это без нашего согласия или даже вопреки нашей воле. Сегодня смелым решением мы можем многое выиграть, а неблагоприятным и колебаниями многое потерять». Чехословацкий дипломат считал «совершенно необходимым», чтобы его правительство официально сообщило Советскому Союзу, что оно готово удовлетворить требование прикарпатских украинцев о присоединении к СССР и начать об этом переговоры. Видимо, опасения Молотова, что подобное решение территориального вопроса ещё до мирной конференции может привести к осложнениям с официальным Лондоном и представить Советский Союз в невыгодном свете, заставили автора заметить: «Дело СССР самому решить, вызовет или не вызовет решение этого вопроса уже теперь международные трудности. Я предостерегаю от того, чтобы наши круги изображали это движение не как результат народного движения и национального самосознания на Карпатской Украине, которые постепенно развились после освобождения страны»⁸².

Тогда же Молотов передал через Немца приглашение советского правительства к эмигрантскому правительству в Лондоне переехать в какой-либо освобождённый город, ближе к чехословацкой территории. В качестве временной резиденции был предложен Львов. 30 декабря Бенеш ответил, что «ожидал этого приглашения» и немедленно начинает подготовку к переезду. Однако, из тактических соображений, «принимая во внимание Запад», поскольку Львов до войны принадлежал Польше, Бенеш высказал пожелание, чтобы переезд был бы осуществлён не во Львов «или другой советский город», а сразу в какой-нибудь город на территории его страны (например, в Кошице).

На замечание Молотова, что такой переезд поможет установить более тесное взаимодействие между советским и чехословацким правительством

в эмиграции, Бенеш заметил: «Я вполне согласен с тем, что нет достаточного контакта между нашим правительством и советским правительством, учитывая то, что *самые важные наши дела решаются теперь в Москве, а не в Лондоне*»⁸³. Сталин мог быть удовлетворён: в чехословацком вопросе он окончательно переиграл Черчилля. Тем временем вопрос о Карпатской (Закарпатской) Украине стал активно обсуждаться в западной печати и в лондонских эмигрантских кругах, в том числе близких чехословацкому правительству в изгнании, в духе, крайне неблагоприятном для СССР. 23 января 1944 г., в разгар успешного наступления советских войск в Карпатах, Сталин направил Бенешу послание, призванное развеять подозрения в желании Москвы односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине. Сталин сослался на свою беседу с лидером чехословацких коммунистов К. Готвальдом, который передал, что чехословацкое правительство «испытывает неловкость в связи с событиями в Закарпатской Украине».

Напомнив о праве народов на самоопределение, Сталин отметил: «Советское правительство не запрещало и не могло запретить населению Закарпатской Украины выразить свою национальную волю. Это тем более понятно, что Вы сами мне в Москве говорили о Вашей готовности передать Закарпатскую Украину Советскому Союзу». Сталин призвал Бенеша в свидетели, что «не дал тогда на это своего согласия». «Но из того, что советское правительство не запретило закарпатским украинцам выразить свою волю, ни в коем случае не следует, что советское правительство намерено нарушить договор между нашими странами. Сталин назвал предположение, что СССР хочет односторонне решить этот вопрос, «оскорбительным» для советского правительства и заверил, что, поскольку вопрос «конечно, придётся решить», он «может быть решён лишь по соглашению между Чехословакией и Советским Союзом ещё до окончания войны с Германией или после окончания войны»⁸⁴.

Бенеш поспешил ответить, что ни он лично, ни чехословацкое правительство «ни на минуту не допускали», что советское правительство имело намерение односторонне решить вопрос, и заверил Москву в том, что злонамеренные слухи на этот счёт распускались противниками СССР и Чехословакии. «Со своей стороны мы не сделаем этот вопрос предметом каких-либо дискуссий или вмешательства других держав. Мы хотим прийти на эвентуальную мирную конференцию, имея этот вопрос уже окончательно решённым с Вами в духе полной дружбы. Лично я и правительство считаем, что этот вопрос никогда не будет предметом какого-либо спора между нами». В заключение президент Чехословакии заверил Сталина: «нет такого государства, которое питало бы столь искренние чувства настоящей дружбы к Советскому Союзу, как Чехословацкая Республика»⁸⁵.

Вопрос о переезде чехословацкого правительства из Лондона в Кошице окончательно решился

в феврале 1945 г., после того, как советские войска, в составе которых находился чехословацкий армейский корпус, завершили Западно-Карпатскую операцию, освободив Словакию и Моравию. При освобождении Чехословакии советские войска потеряли около 140 тыс. человек убитыми, чехословацкие регулярные части — 4 тыс. человек.

17–31 марта 1945 г. Бенеш согласовал со Сталиным вопрос о реорганизации чехословацкого правительства с целью расширения его состава в пользу представителей коммунистических (демократических антифашистских) сил⁸⁶. Отношения взаимопонимания и сотрудничества между советским правительством и эмигрантским правительством Чехословакии контрастировали с враждебностью между Москвой и эмигрантским (лондонским) правительством Польши.

Советский сценарий для Польши

В преддверии освобождения советское руководство уже подготовило свой сценарий политического восстановления Польши, в котором не было места польскому эмигрантскому правительству Миколайчика, обосновавшемуся в Лондоне. По словам де Голля, сочувствовавшего «лондонскому» правительству, при полном отсутствии материальных средств «воспротивиться решениям Москвы, /.../ морально (оно) было вооружено той мрачной решимостью, которую века угнетения сообщили польским сердцам»⁸⁷. В соответствии с этими настроениями, весной 1943 г. польское правительство обвинило советские органы безопасности в расстреле 10 тыс. польских офицеров в Катюни и отказалось признать версию Москвы, которая приписывала это преступление гитлеровцам. В ответ 23 апреля 1943 г. Советский Союз разорвал отношения с польским правительством и начал активно содействовать созданию в Польше альтернативного и просоветского политического центра, опиравшегося на прокоммунистические силы внутреннего сопротивления. В ночь на 1 января 1944 г. в Варшаве была образована подпольная Крайова Рада Народова. Её председателем стал коммунист Б. Берут.

Ввиду приближения Красной армии к государственной границе СССР 1941 года, главным политическим вопросом было признание изменённой советско-польской границы, т.е. территориальных приращений 1939 г., осуществлённых в пользу СССР уже после начала второй мировой войны в соответствии с секретным протоколом к Советско-германскому пакту. Однако польское правительство отказалось без обсуждения принять советский проект границы. 5 января 1944 г. оно опубликовало декларацию по вопросу о советско-польских отношениях, в частности, о советско-польской границе. Ознакомившись с ней, 7 января 1944 г. Сталин написал Черчиллю: «как видно, нет основания рассчитывать на то, чтобы удалось образумить эти круги. Эти люди не исправимы»⁸⁸. Ответное официальное заявление

советского правительства по польскому вопросу от 11 января 1944 г. содержало развёрнутую программу развития советско-польских отношений на период освобождения, соответствующую советским интересам.

В духе принципа Объединённых наций о восстановлении суверенных прав народов, в советском заявлении отстаивалась легитимность «*новой восточной границы Польши, установленной в 1939 г. и нарушенной Гитлером*» — это указание для членов антигитлеровской коалиции само по себе было весомым оправданием советских требований. Далее указано, что присоединением к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии (для поляков — Восточной Польши) «несправедливость, допущенная Рижским Договором 1921 г., который был навязан Советскому Союзу, в отношении украинцев, населяющих Западную Украину, и белорусов, населяющих Западную Белоруссию, была таким образом исправлена». Москва заявляла о стремлении к воссозданию «сильной и независимой Польши», и о желании «установить дружбу между СССР и Польшей /.../ на основе союза по взаимной помощи против немцев, как главных врагов Советского Союза и Польши». Этой задаче послужило бы присоединение Польши к Советско-Чехословацкому договору о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве⁸⁹.

В Заявлении упомянуты польские силы, альтернативные «лондонцам». В нём говорилось об имеющемся опыте советско-польского военного сотрудничества, причём, естественно, речь шла не об армии Андерса, подчинявшейся эмигрантскому правительству, а о частях, действовавших под советским командованием: «В освободительной борьбе уже выполняют свои задачи Союз Польских Патриотов в СССР и созданный им польский армейский корпус, который действует вместе с Красной армией». Москва предлагала полякам территориальное вознаграждение за участие в общей борьбе с нацизмом, но не на востоке, а на западе, за счёт Германии: «Польша должна возродиться не путём захвата украинских и белорусских земель, а путём возвращения в состав Польши отнятых немцами у Польши исконных польских земель». СССР не считал окончательной границу 1939 г. и предложил границу по «линии Керзона», принятой в 1919 г. В заключении было выражено отношение СССР к правительству Миколайчика: «Эмигрантское польское правительство, оторванное от своего народа, оказалось неспособным установить дружественные отношения с Советским Союзом, своей политикой оно нередко играет на руку немецким оккупантам»⁹⁰.

Миколайчик добивался переговоров с Москвой, и посол США в СССР Гарриман предложил от имени своего правительства «дружеские услуги» по посредничеству между СССР и правительством Польши, но Москва в качестве предварительного условия выдвинула реорганизацию правительства Миколайчика⁹¹.

В Москве его считали реакционным, содержательно чуждым обновлённому в годы войны пониманию политической силы, представляющей народы, борющиеся с фашизмом. Под реорганизацией Сталин подразумевал удаление из польского правительства элементов, которые он называл «профашистскими» и «империалистическими», и включение в него людей, «демократического образа мыслей»⁹².

В разговоре Сталина с Гарриманом есть прямое указание на классовую природу отношения этих «польских помещиков» к Красной Армии: «Все считают русских *батраками*. Русские должны освободить Польшу, а поляки хотят получить Львов. Все считают, что русские дураки»⁹³. Эмигрантское правительство и связанные с ним силы в Польше для Сталина — это враги, те же фашисты — так он лексически отождествляет их с «силами зла» сообразно историческому дискурсу 1930-х — 1940-х годов. «С нынешним польским правительством мы не можем восстановить отношений /.../ Нет уверенности, что завтра мы опять не будем вынуждены прервать эти отношения из-за какой-либо очередной *фашистской* провокации с его стороны, вроде «Катынской истории» /.../ *Профашистские* акты Польского Правительства известны». Сталин говорит об антисовестских выступлениях польских послов в Мексике и Канаде, ген. Андерса на Ближнем Востоке, о «переходящей всякие границы» враждебности СССР польских нелегальных изданий на оккупированной территории, об уничтожении польских партизан по директивам Польского правительства.

Серьёзные обвинения основывались не только на общих представлениях о враждебности довоенной польской верхушки, тех, кто покинул страну после разгрома Польши, но и на данных разведки и независимых (в том числе чехословацких) источников. Ещё летом 1943 г. Богомоллов из Каира доносил о настроениях в армии Андерса, дислоцированной на Ближнем Востоке: для них «врагом номер один», был Советский Союз, «более ненавистный», чем царская Россия и даже Германия; поэтому все хотят «увидеть Советский Союз настолько ослабленным войной, чтобы он не имел никакого влияния на политические решения в Центральной Европе». Основные надежды они возлагали на раздоры между западными союзниками и русскими, создание «антисоветского бастиона» на пути «большевизации Европы»⁹⁴.

Черчиллю, который попытался «нажать» на Сталина, чтобы заставить его отказаться от «политики силы» и начать переговоры с польским правительством⁹⁵, Сталин ответил крайне резко (23 марта 1944 г.). В его письме Черчиллю польское правительство противопоставляется польскому народу: «Советский Союз не воюет и не намерен воевать с Польшей. Советский Союз не имеет никакого конфликта с *польским народом* и считает себя союзником Польши и польского народа. Именно поэтому Советский Союз проливает кровь ради освобождения Польши

от немецкого гнёта. /.../ Но у Советского Правительства имеется конфликт с эмигрантским польским правительством, которое *не отражает интересов польского народа*»⁹⁶.

Во второй половине июля 1944 г., после того как советские войска вместе с созданными на территории СССР польскими частями переправились через Западный Буг — линию советско-польской границы 1939 г. — и вступили на территорию Польши, центр решения польского вопроса переместился в Москву. Эту данность признали англо-американские союзники, но она не устраивала большинство в правительстве Миколайчика, который с 5 июня совершал большое турне по США, в надежде заручиться поддержкой влиятельного американского крыла польской эмиграции, американского общественного мнения и повлиять на президента. Момент был критическим из-за приближения Красной Армии, но Миколайчик надеялся ввести польский вопрос в интригу президентских выборов в США. Расчёт не оправдался, зато визит Миколайчика и его выступления в США вызвали неудовольствие в Москве⁹⁷.

Тогда же Советский Союз с удовлетворением мог констатировать создание и укрепление на освобождаемой территории Польши второго политического центра — патриотического, но с участием коммунистов и признавшего советские интересы в вопросе о границах. 21 июля в Люблине, освобождённом Советской Армией, был сформирован Польский комитет национального освобождения (ПКНО) из представителей ППР⁹⁸, ППС (Польской партии социалистов), *Строництва демократичне* и других антифашистских организаций. Ведущими фигурами в нём были коммунист Б. Берут и социалист Э. Осубка-Моравский. 22 июля ПКНО опубликовал Манифест к польскому народу, в котором говорилось, что Крайова Рада Народова является временным парламентом, а ПКНО — законной временной исполнительной властью. 26 июля последовало Заявление НКВД СССР об отношении Советского Союза к Польше⁹⁹. В нём говорилось, что вступлением Красной Армии в пределы Польши «положено начало освобождения многострадального польского народа от немецкой оккупации».

В соответствии с освободительной миссией, целью советских войск является разгром германских вражеских армий и помощь польскому народу в деле «*восстановления независимой, сильной и демократической Польши*». Действовать на польской территории они будут как на «*территории суверенного, дружественного, союзного государства*». В связи с этим «Советское Правительство не намерено устанавливать на территории Польши органов *своей* администрации, считая это делом *польского народа*». Это указание на суверенные права польского народа, а не польского эмигрантского правительства принципиально важно, тем более что за ним следует сообщение о том, что Советское Командование

заключит соглашение о взаимодействии с польской администрацией в освобождённых районах не с правительством Миколайчика, а с Польским Комитетом Национального Освобождения.

Силам польского сопротивления было адресовано важное обещание: «Советское Правительство заявляет, что оно *не преследует цели приобретения какой-либо части польской территории или изменения в Польше общественного строя*» и что единственной задачей Красной Армии в Польше является помощь полякам в освобождении от немецкой оккупации¹⁰⁰. Советское правительство обменялось с ПКНО, который находился на освобождённой территории Польши, официальными представителями. Советским военным властям в Польше предписывалось рассматривать только ПКНО как своего союзника в борьбе с немцами. В Постановлении ГКО от 31 июля 1944 г., секретном, как и большинство решений того времени, говорилось: «Никаких других органов управления, и в том числе — выдающих себя за органы польского эмиграционного «правительства» (в Лондоне), кроме органов ПКНО не признавать. Иметь в виду, что лица, выдающие себя за представителей польского эмиграционного правительства, среди которых обнаружено много гитлеровских агентов, должны рассматриваться как самозванцы и с ними следует поступать как с авантюристами»¹⁰¹.

Обстоятельства заставили дипломатию союзников внимательнее присмотреться к ПКНО и к внутреннему положению в Польше в целом, стимулируя её к смене тактики в польском вопросе. 3 июня 1944 г. Молотов в беседе с Гарриманом обсуждал пребывание четырёх представителей Польского Национального Комитета в Москве. Среди них был коммунист Б. Берут. Молотов знал, как лучше представить американцу польских гостей — друзей Москвы. На вопрос Гарримана, что эти люди из себя представляют, нарком ответил: «Это, главным образом, интеллигенция, а также представители демократических рабочих кругов. (Они) представляют левые и демократические группы Польши. Есть представители польской социалистической партии, есть *сочувствующие* коммунистам, есть из крестьянской партии — наиболее крупной партии, одним из лидеров которой является Миколайчик. Некоторые из них занимаются военной работой по организации партизанского движения и всех других сил, борющихся против врага». Молотов признал: «среди них нет представителей подпольного движения, руководимого лондонским правительством, *они стоят в оппозиции к лондонскому правительству*»¹⁰².

Когда Гарриман прямо спросил Молотова про Берута, не коммунист ли он, Молотов ответил уклончиво: «Был, но выходил из партии», и сейчас Молотов якобы не знает, состоит ли тот в партии. Он с давних пор был деятелем рабочего и профсоюзного движения. Главное — он «*является большим польским патриотом*»¹⁰³. Характерно, что в советских

официальных сообщениях о визите коммуниста — товарища Б. Берута его непременно величали «г-ном Берутом»¹⁰⁴. В официальных речах высокие советские руководители и представители Люблинского правительства старались акцентировать внимание на братстве по оружию, а не на братстве по классу и идеологическом родстве.

Суть подобных недомолвок, хотя речь шла о «секрете Полишинеля», в приверженности идее сохранения «концерта держав» не только до окончания войны, но и в послевоенное время. Выше было сказано, что хорошо знакомый с настроениями в лондонских дипломатических кругах заместитель наркома Майский чётко обозначил «красную линию» союзных дипломатий: перспектива коммунистических переворотов в странах, освобождаемых Красной Армией, нарушит планы политического сотрудничества с англо-американцами¹⁰⁵. Чтобы быть приемлемыми для англо-американцев, временные политические органы в Польше должны были носить представительный, демократический, антифашистский и патриотический характер и не ассоциироваться исключительно с прокоммунистическими силами. Важно также, чтобы за ними стояли реальные силы в самой Польше. Просоветское и прокоммунистическое правительство, созданное на освобождённой польской территории, было представлено как правительство широкой демократической коалиции, поддержанной польским народом.

На вопрос Гарримана, что делегаты рассказывают об отношении в Польше к лондонскому правительству, Молотов ответил: «Они говорят (но они в оппозиции), что *лондонское правительство не пользуется в Польше никакой поддержкой*»¹⁰⁶. Создание второго политического центра в освобождённых районах Польши обесценивало восстановление отношений СССР с лондонским правительством, поскольку Москва ставила под вопрос его суверенные права. Узнав о прибытии в СССР делегации Польского Национального Совета, англо-американские союзники добились согласия Сталина принять Миколайчика, и 29 июля он приехал в Москву¹⁰⁷. Миколайчик был лидером Крестьянской партии, представленной в ПКНО и Крайовой Раде Народовой, и занимал более умеренную позицию по отношению к СССР, чем большая часть его кабинета. Его подключение к переговорам между СССР и ПНС при участии послов двух союзных держав Керра и Гарримана в формате «Московской комиссии» могло стать условием объединения разрозненных и даже враждовавших между собой сил польского сопротивления на основе компромисса между «лондонскими» и «люблинскими» поляками и примирению «лондонцев» с советским правительством.

Первоначально, как казалось Гарриману, переговоры свидетельствовали об «искреннем стремлении Советского правительства добиться урегулирования» в Польше путём создания коалиционного

правительства¹⁰⁸. Во время переговоров с Берутом, Осубка-Моравским и другими членами «люблинского правительства» Миколайчику были предложены в будущем объединённом польском правительстве кресло премьера и 4 места из 18. Но компромиссное решение польского вопроса не состоялось. Вопрос о границе оставался камнем преткновения. Миколайчик уклонился от соглашения, сказав, что должен возвратиться в Лондон, чтобы обсудить вопрос с членами своего правительства. Соотношение сил в Польше вот-вот должно было коренным образом измениться, о чём не знали ни в Москве, ни в Люблине: подчинённая польскому «лондонскому» правительству Армия Крайова во главе с генералом Комаровским (псевдоним Бур) разработали план восстания в Варшаве. Выступление было назначено на 1 августа, и освобождение столицы силами, на которые опиралось правительство Миколайчика, дало бы ему решающий козырь в переговорах со Сталиным и с «люблинцами».

В беседе с Молотовым в последний день июля 1944 г. Миколайчик заметил, что «польское правительство обдумывало план генерального восстания в Варшаве», но, к возмущению советской стороны, он умолчал о том, что восстание начнётся уже на следующий день и «не просил о помощи его участникам»¹⁰⁹. Сталина и Молотова насторожило, что сам Миколайчик сообщил Сталину о начавшемся 1 августа восстании только 3 августа. Как утверждал Молотов, о восстании в Кремле узнали из сообщения агентства Рейтер только на следующий день после его начала¹¹⁰. Впрочем, только 3 августа польский премьер и был принят Сталиным. Сообщив о восстании, он опять никакой «помощи не просил, других вопросов в связи с восстанием не поднимал», — отметил Молотов¹¹¹.

Не могло понравиться хозяину Кремля и заявление Миколайчика, что он хотел бы как можно скорее выехать в Варшаву и создать там правительство. Через день из Варшавы должен был приехать Б. Берут, рассказать об обстановке в восставшем городе и договориться с Миколайчиком о составе будущего правительства Польши. Опираясь на сведения, предоставленные Берутом, Сталин уяснил в течение ближайших дней смысл происходящего.

Польские военные и политики круга, органично продолжившего предвоенную дипломатическую линию, как и в 1939 году, оказались в ситуации, не имеющей положительной альтернативы. Судьба Польши была в руках двух *их* наследственных врагов. Но им представлялось, что дни Германии сочтены, в то время как, если они не возьмут под политический контроль столицу и значительную часть территории страны, с приходом Красной Армии изменится сама Польша. Именно антисоветское содержание политики руководителей восстания трагически осложнило судьбу восставших. Устойчивая «нейтральная», но полная сочувствия восставшим версия мотивов варшавского выступления высказывается в пользу того, что освободительные задачи в нём переплелись

с антисоветскими. «Ему важно было поднять дух борцов польского сопротивления, доказать миру, что внутреннее сопротивление в Польше является реальной и действенной силой, освободить столицу до подхода русских и преградить коммунистам из Армии Людовой и Люблинского комитета путь к власти»¹¹².

Та же версия приводилась германским губернатором Варшавского округа Л. Фишером, пленённым советскими войсками и допрошенным ГПУ. «1 августа вспыхнуло ожидаемое немцами восстание национального движения сопротивления. По совпадающим показаниям всех поляков-пленных, целью восстания являлся захват собственными силами Варшавы и всей территории до прибытия русских, для выработки лучшей позиции в отношении России»¹¹³.

Поздняя советская версия, оправдывающая позицию Сталина, по существу не расходится с вышесказанным, она лишь иначе окрашена эмоционально. В Сиполс пишет: «Лондонское правительство планировало при помощи подчинявшейся ему Армии Крайовой при приближении советских войск к Варшаве поднять в городе восстание и тем самым завладеть столицей». В подтверждение Сиполс цитирует слова Бур-Комаровского, приведённые и в соответствующей главе официальной многотомной «Истории великой Отечественной войны»: лучше, «если русские армии будут вдали от нас. Отсюда следует логичный вывод, что мы не можем поднимать восстание против немцев до тех пор, пока они сдерживают русский фронт, а тем самым и русских вдали от нас. Кроме того, мы должны быть готовы к тому, чтобы оказать вооружённое сопротивление русским войскам, вступающим на территорию Польши»¹¹⁴.

Несмотря на то, что при расставании с Миколайчиком Сталин выказал сочувствие к восставшим, которых считал обречёнными, словами: «Немцы просто перебьют всех поляков», «просто жалко всех поляков»¹¹⁵. 13 августа последовало резкое заявление ТАСС в связи с варшавским восстанием. Через три дня Сталин адресовал Миколайчику письмо, в котором объяснил свой отказ помочь Варшаве с воздуха, несмотря на своё обещание «сделать всё возможное»¹¹⁶. «Близкое знакомство с делом убедило меня, что варшавская акция, которая была предпринята без ведома и контакта с советским командованием, представляет легкомысленную авантюру, вызвавшую бесцельные жертвы населения — писал он. — К этому надо добавить клеветническую кампанию польской печати с намёками на то, что советское командование подвело варшавцев.

Ввиду всего этого советское командование решило открыто отмежеваться от варшавской авантюры, так как оно не может и не должно нести никакой ответственности за варшавское дело»¹¹⁷. Сталин возложил всю ответственность за напрасные жертвы восставших варшавян на Бур-Комаровского. Он утверждал: «Рано или поздно, но правда о *кучке*

преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна. Эти люди использовали доверие варшавян, бросив многих почти безоружных людей под немецкие пушки, танки и авиацию»¹¹⁸.

В ходе летнего наступления Красная Армия продвинулась с тяжёлыми боями на 600 км к Варшаве. Она действовала обходным манёвром, и это навлекло на СССР обвинения в намеренном затягивании наступления и нежелании содействовать победе восставших. Для подтверждения или опровержения этой версии надо читать мысли Сталина. Молотов, который в тот момент ещё не выказывал враждебности инициаторам восстания, в беседе с Гарриманом 11 августа 1944 объяснил необходимость обходного манёвра несогласованностью выступления с планами советского командования: «Непонятно, каким образом поляки рассчитывали осуществить это дело («взять Варшаву изнутри»). Они начали своё рискованное предприятие 1 августа. Мы узнали о нем из телеграммы Рейтера, полученной 2 августа. Нашим войскам теперь приходится брать Варшаву не в лоб, а обходным движением. Если бы наши войска попытались взять Варшаву в лоб, то это стоило бы колоссальных жертв. Теперь те обходные операции, которые начали наши войска, требуют времени, и это, конечно, создаст трудности для тех, кто начал борьбу в Варшаве»¹¹⁹.

Объяснения Молотова могли удовлетворить союзников, но опыт боевых операций Красной армии показывает, что людские потери не были главным препятствием в осуществлении её стратегических целей. В данном случае важно, что у Сталина не было политических мотивов отстаивать дело варшавского восстания, хотя это вовсе не означало прекращение наступательной операции в Польше. Сталин не отрицал, что «с военной точки зрения создавшееся положение, привлекающее усиленное внимание немцев к Варшаве, также весьма выгодно как для Красной армии, так и для поляков. Не может быть сомнения, что Красная армия не пожалеет усилий, чтобы разбить немцев под Варшавой и освободить Варшаву для поляков»¹²⁰. В августе — первой половине сентября Красная армия потеряла 289 тысяч солдат и офицеров 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов¹²¹. Однако в первые недели восстания Сталин не только отказывался предоставить варшавянам помощь с воздуха, но и препятствовал в этом авиации союзников, закрыв для них советские аэродромы под Полтавой, которые до того использовались для боевых операций против Румынии¹²².

Если первоначально Сталин мог считать, что, как и в Словакии, восстание в тылу у гитлеровцев может способствовать общей победе, он изменил своё отношение к варшавскому восстанию в прямой связи с тем, что услышал от Берута, который приехал из Польши 5 августа¹²³. Тот сообщил советскому руководству, что мотивы инициаторов вос-

стания были враждебными советской освободительной миссии. На вопрос Гарримана, что заставило Сталина уже 14 августа отказаться от данного им обещания помочь варшавянам с воздуха, Молотов ответил: отношение к восстанию изменилось, «как только был вскрыт характер варшавского дела». Нарком пояснил: «Полученная Советским правительством информация доказывает, что затея в Варшаве была начата авантюристами из Лондона и что кроме того эти авантюристы пытаются использовать свою затею во враждебных Советскому Союзу целях, распространяя клевету в отношении Советского Союза». «Если бы выступление было согласовано с советским командованием, то оно принесло бы громадную помощь, но люди, начавшие его, не захотели этого сделать»¹²⁴. Поэтому «Советское правительство не желает взять на себя ответственности за него, в том числе и ответственности за самолёты, которые будут посланы для оказания помощи Варшаве», — заключил нарком¹²⁵. Гарриман понял: «Этот отказ продиктован жестокими политическими мотивами»¹²⁶. 9 сентября, когда разгром восстания был предreshён, запрет был снят. Союзникам снова было разрешено использовать украинские аэродромы. А через несколько дней, с 13 сентября в варшавском небе появились советские самолёты.

Отношение Берута и членов делегации ПКНО к действиям Красной армии контрастировало с настроениями «лондонских» поляков. В Москве его встретили как высокого официального представителя дружественной страны. Именно для него, а не для Миколайчика, «при встрече был выстроен почётный караул и были исполнены государственные гимны Польши и СССР. Аэродром был украшен польскими и советскими флагами»¹²⁷. В своей краткой речи перед встречавшими Берут сказал: «Я счастлив, что могу посетить эту страну, которую Польша — моя родина — приветствует, как самую мощную страну, имеющую самую героическую армию, страну, в дружбе с которой моя родина хочет быть всегда». В том же духе выступил председатель ПКНО Э. Осубка-Моравский, подчеркнувший, что «братство оружия /.../ останется на долгие времена и будет фундаментом содружества» между Польшей и СССР¹²⁸. Как показала встреча руководителей ПКНО, в Москве после Соглашения 26 июля 1944 г. их рассматривали в качестве главных собеседников в решении польского вопроса. От способности Миколайчика договориться с ними зависела судьба самого Миколайчика.

14 сентября Красной армии и действовавшим вместе с ними польским частям удалось освободить правобережную часть Варшавы. 16–20 сентября предпринимались попытки переправить через Вислу усиленный польский десант в помощь варшавянам, но ему так и не удалось закрепиться на левом берегу и 24 сентября пришлось вернуться на правый берег. 23 сентября в беседе с Гарриманом и Керром Сталин рассказал об оказании советской военной помощи

Варшаве, проявив понимание в отношении варшавян «без следа прежней мстительности» (как отметил в своём отчёте Гарриман)¹²⁹.

2 октября Бур-Комаровский капитулировал в Варшаве. В городе погибло около 200 тыс. чел. Советская операция по форсированию Вислы была начата только через 4 месяца. Миколайчик вернулся в Москву вместе с Черчиллем, после поражения восстания. Пригласили и руководителей Крайовой Рады Народовой, Берута с Осубкой-Моравским. 13 октября с Миколайчиком беседовал Сталин, давший понять премьеру эмигрантского правительства, что условием соглашения с ним является признание границы по «линии Керзона»¹³⁰, что для Польши означало потерю Львова и Восточной Галиции с её нефтяными запасами. Другим спорным вопросом был политический. Речь шла о создании польского правительства, объединяющего «лондонцев» и «люблинцев» под председательством Миколайчика.

СССР и ПКНО требовали для последнего убедительного большинства, против чего протестовал Миколайчик. Черчилль согласился ввести в состав правительства несколько лондонцев, оставив большинство мест за представителями ПКНО¹³¹. По сути, это было возвращением к августовским предложениям, но в кардинально изменившихся условиях. «Лондонцы» и их опора в Польше больше не могли иметь иллюзий относительно возможности установить контроль над столицей Польши без содействия советских войск, а тем более, в противовес им и дружественным СССР польским силам сопротивления. В то же время, для Миколайчика, несмотря на слабость его дипломатической позиции, принятие советских условий без согласия членов его правительства было равносильно разрыву с его политической средой. Оправдывая Миколайчика, Иден заметил, что если бы тот согласился на требование Берута, то его бы в Лондоне просто сочли перебежчиком. Тогда Молотов согласился, чтобы, в случае признания правительством Миколайчика границы по «линии Керзона», в будущее польское правительство вошли 40% из «лондонского», 40% из Люблинского правительства и 20% представителей освобождённой Польши. Миколайчик должен был поехать в Лондон добиться поддержки кабинета в этом вопросе, чтобы сразу же вернуться¹³², но 24 ноября пришло сообщение о его отставке: он не смог договориться о признании границы.

Тем временем, на освобождённой территории Польши декретом ПКНО началась реализация земельной реформы. Представители Крестьянской партии во главе с Миколайчиком не согласились войти в новое «лондонское» правительство во главе с Т. Арцишевским. Таким образом, в нём уже не было сторонников компромисса с СССР. Отставка Миколайчика исключила промежуточное для Москвы решение и осложнила решение польского вопроса в духе, благоприятном для англо-американских союзников. В декабре Лондон и Вашингтон были пре-

дупреждены о готовящемся признании Советским Союзом люблинского правительства, что означало окончательный отказ от соглашения с лондонскими поляками. Британскому премьер-министру, сообщившему об отставке Миколайчика, Сталин ответил, что для него министерские перестановки в польском эмигрантском правительстве *«теперь не представляют серьезного интереса. Это все то же топтание на месте людей, оторвавшихся от национальной почвы, не имеющих связей с польским народом /.../ Я считаю, что теперь наша задача заключается в том, чтобы поддержать Польский Комитет в Люблине и всех тех, кто хочет и способен работать вместе с ним»*¹³³. На просьбу Рузвельта повременить с признанием Люблинского комитета Сталин ответил, прибегнув к демагогической ссылке на демократическую процедуру. Он де *«бессилен»* выполнить это пожелание, поскольку 27 декабря 1944 г. Верховный Совет уже сообщил на запрос поляков, что намерен их признать¹³⁴. Расхождения в польском вопросе между СССР и англо-американскими союзниками остались до Ялты: они признавали разные правительства Польши.

Политические преобразования в странах, союзных Гитлеру: военная необходимость и долгосрочная политическая стратегия

Советская политическая стратегия в отношении гитлеровских сателлитов была подчинена главной стратегической задаче их скорейшего вывода из войны, но в то же время, в органичном единстве как с интересами в вопросе послевоенных границ СССР, так и с долгосрочными целями строительства послевоенной системы европейской безопасности, требовавшими создания в сопредельных странах дружественных режимов. Поэтапное продвижение или препятствия на этом пути диктовали тактические изменения советских сценариев политических трансформаций в странах, которые должны были превратиться из враждебных соседей в прочных союзников. Наиболее желательным сценарием для Объединённых Наций был разрыв германских союзников с Гитлером и их участие в окончательном разгроме Германии.

13 мая 1944 г. было опубликовано «Заявление правительств Советского Союза, Великобритании и Соединённых Штатов, обращённое к сателлитам гитлеровской Германии — Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии», в котором говорилось, что сателлиты оси *«все ещё могут путём выхода из войны и прекращения своего пагубного сотрудничества с Германией и, путём сопротивления нацистским силам всеми возможными средствами, сократить срок европейской борьбы, уменьшить свои собственные жертвы /.../ и содействовать победе союзников»*¹³⁵.

В условиях, когда правительствам стран-сателлитов предстоял выбор между потенциальной угрозой советской оккупации и неотвратимым столкновени-

ем с вермахтом, уже расположившимся на их территории, следовало создать для них весомый стимул для перехода на сторону союзников. Таким стимулом стал отказ Объединённых Наций от принятого на Московской конференции принципа безоговорочной капитуляции в отношении сателлитов Германии в обмен на обязательство разоружить и интернировать германские части, находящиеся на их территории, что, по сути, означало бы их присоединение к делу Объединённых Наций. Инициатором такого подхода была британская сторона. Предложение было изложено в письме Молотову 19 марта 1944 г. британского посла Керра¹³⁶. Молотов ответил согласием: «Советское правительство считает, что предъявление требования безоговорочной капитуляции европейским странам-сателлитам в известных условиях может дать ... отрицательный эффект, содействуя не ослаблению, а укреплению связей стран-сателлитов с Германией /.../ Соглашаясь с британскими доводами, правительство СССР после согласования с Вашингтоном считает возможным решать этот вопрос в каждом конкретном случае. Решать этот вопрос после консультации между тремя союзниками, можно ли выставить вместо безоговорочной капитуляции «смягченные конкретные условия соглашения этой страны с союзными странами»¹³⁷.

Реализация советских интересов в переговорах с Финляндией

Заявление не дало немедленных результатов, но указало благоприятную альтернативу, ускорив переход влиятельных конформистских сил в политических кругах указанных стран в оппозицию к прогерманским режимам. Одним из наиболее сильных союзников Гитлера была **Финляндия**, она же, в связи с разгромом советскими войсками немецкой группы армий «Север» и с приближением линии фронта к советско-финской границе, одной из первых начала неофициальные контакты с Москвой, прощупывая условия перемирия. 16 февраля советский посланник в Швеции А. М. Коллонтай доложила, что к ней обратился представитель финляндского правительства Ю. К. Паасикиви, который зондировал почву для переговоров о перемирии. Уже первые советские предложения о перемирии сам Паасикиви назвал «неожиданно мягкими»¹³⁸.

Но главную трудность для финского правительства представляло советское требование интернировать или изгнать немецкие войска из страны. Признавая справедливость этого условия, финское правительство осторожно замечало, избегая прямого указания на германскую армию: «Для того, чтобы Финляндия после заключения перемирия могла оставаться нейтральной, необходимо, чтобы на её территории не находились иностранные войска, принадлежащие воюющей стране, однако вопрос настолько сложен, что он требует более детального обсуждения»¹³⁹. Примечательно, что советские усло-

вия перемирия не заключали пункта об оккупации Финляндии советскими войсками¹⁴⁰.

Но в сложившихся обстоятельствах доминирующий союзник был опаснее врага. Нажим Берлина привёл к затягиванию выхода Финляндии из войны. Советской дипломатии в тот момент не удалось обеспечить решение вопроса дипломатическими средствами.

10 июня началось наступление Красной Армии на советско-финляндском фронте. В этой связи Риббентроп посетил Хельсинки и угрозами добился обещания Финляндии не заключать мира без согласия Германии, о чём было заявлено в письме Гитлеру, направленном 26 июня президентом Финляндии Рюти¹⁴¹.

Успешное продвижение советской армии привело к политическому кризису в Финляндии, приходу к власти нового правительства и смене президента страны. Им стал маршал Маннергейм — герой советско-финской войны 1939–1940 гг. Только он мог взять на себя риск противостояния германскому нажиму. 17 августа новый президент заявил фельдмаршалу Кейтелю, посетившему его по поручению Гитлера, что не считает себя связанными соглашениями, заключёнными прежним президентом Рюти¹⁴². 25 августа финский посланник в Швеции Гриппенберг через А. М. Коллонтай передал просьбу финского министра иностранных дел Энкеля о начале переговоров о перемирии или заключении мирного договора с СССР.

На этот раз советская сторона выдвинула в качестве предварительного условия, чтобы финское правительство официально заявило о разрыве отношений с Германией и потребовало вывода немецких войск не позже 15 сентября, угрожая в противном случае их разоружением и интернированием с последующей передачей союзникам в качестве военнопленных. Важным добавлением стало указание на согласие с данными условиями англо-американских союзников Москвы.

Маннергейм стремился, с одной стороны, доказать готовность избавиться от германской армии, с другой стороны, получить от СССР гарантии о начале переговоров о перемирии. В своём обращении к советскому правительству от 2 сентября он заверил, что требуемое Москвой официальное заявление о разрыве отношений с Германией будет сделано только после получения ответа от Сталина. Одновременно он предложил самостоятельно обеспечить эвакуацию или интернирование германских войск на южной части финской территории, прервать военные действия на южной части фронта и отвести на этом участке финские войска к границе 1940 года, передвинув соответственно на эту линию советские войска. Тем самым, Красная Армия без боёв и потерь могла восстановить северную границу СССР. Финская армия из серьёзного противника превращалась в потенциального помощника: финский посланник Гриппенберг сообщил Коллонтай, что финны готовы

участвовать в разоружении немецких войск на севере страны, «*но хотя бы договориться в Москве о координации и помощи в этом деле с советским военным командованием*». Советское правительство в ответ по-прежнему настаивало на важнейших предварительных условиях переговоров — публичном разрыве отношений Финляндии с Германией и выводе гитлеровских войск из страны к 15 сентября, согласившись оказать Финляндии помощь в разоружении гитлеровских войск. При этом было дано согласие на прекращение военных действий на южном участке фронта, но только после выполнения вышеуказанного предварительного условия¹⁴³.

Переговоры в Москве начались 14 сентября. К советской и финской сторонам присоединились британцы. 19 сентября соглашение о перемирии было подписано. От имени Объединённых Наций его подписал А. А. Жданов; финская была представлена министром иностранных дел К. Энкелем и тремя генералами (О. Энкелем, Р. Вальденом и Э. Хейнрихсом). Советский Союз добился отвода финских войск за линию советско-финской границы 1940 года и возвращения уступленной Финляндии по Мирным договорам 1920 и 1940 годов области Петсамо (Печенга).

Примечательно, что, в политическом плане советское правительство ограничилось требованием денацификации и дефашизации Финляндии и не пыталось повторить сценарий 1939 года. Никаких коминтерновских заготовок: о смене общественно-политического строя в Финляндии не было и речи. Уроки советско-финского конфликта 1939–1940 гг., видимо, не прошли даром. Финляндия должна была порвать с политикой фашистского толка: распустить прогитлеровские и антисоветские организации, освободить политических заключённых, отменить расистские законы, предать суду военных преступников¹⁴⁴. Взаимопонимание, достигнутое с бывшим царским генералом, героем финской войны Маннергеймом, благоприятно сказалось на условиях перемирия. В отличие от условий соответствующих соглашений с Румынией и Болгарией, соглашение с Финляндией оставляло финскому правительству максимум суверенитета. Оно не предусматривало контроля Союзного (советского) Командования над СМИ, средствами коммуникации и печатными изданиями. Одновременно были снижены материальные претензии к Финляндии. Сумма возмещения убытков, причинённых действиями финской армии на советской территории, была вдвое уменьшена по сравнению с первоначальными условиями¹⁴⁵.

Финляндия брала на себя обязательства разоружить германские военные силы и передать их Союзному (Советскому) главнокомандованию, а также интернировать германских и венгерских граждан на своей территории. Кроме того, советской авиации были предоставлены аэродромы на южном и юго-западном побережье Финляндии, необходимые для проведения операций против немцев в Эстонии

и против германского флота на Балтике. Финляндия дала согласие на аренду территории для создания военно-морской базы в районе Порккала-Удд. Приложения к соглашению касались военного содействия Финляндии борьбе Союзных сил против Германии, существенно облегчавшего боевые действия советской армии на Балтике. Бывшая союзница Германии должна была предоставить все имеющиеся в её распоряжении немецкие секретные материалы: карты минных полей, планы, карты и схемы боевых порядков¹⁴⁶.

Выгоды подобного, благоприятного для Финляндии решения были несомненны. Перед финальными сражениями с гитлеровцами экономика и территория Финляндии были поставлены на службу военным потребностям Советского Союза; Советское Главнокомандование получило от имени союзных держав руководство Союзной Контрольной Комиссией в Финляндии, в задачи которой входил надзор над соблюдением условий перемирия до заключения мирного договора. Финляндия соглашалась удовлетворить территориальные интересы СССР. Северный сосед стал одним из первых в цепи сателлитов Германии, из которых советская дипломатия уже в 1944 г. начала строить послевоенный «буфер безопасности» на своих западных границах от Балтики до Адриатики.

Ситуационный подход в отношении Румынии и Венгрии: классическая дипломатия и обращение к классовой политике

Политики возможного советское руководство придерживалось и в решении румынских дел, не забывая, впрочем, и об обеспечении своих послевоенных интересов на Балканах. Приоритетную роль и здесь играли военные цели — скорейший выход Румынии из войны. Это не означало небрежения политическими целями. В советском тылу проводилась работа по коммунистическому перевоспитанию румынских военнопленных, но, прежде всего, они были призваны внести военный вклад в победу. С 1942 г. в лагерях румынских военнопленных работали антифашистские школы и курсы, на базе которых в сентябре 1943 г. был образован Рабочий комитет румынских антифашистских организаций. В октябре 1943 — марте 1944 г. под Рязанью была сформирована, обучена и снабжена советским оружием 1-я румынская добровольческая дивизия. Её военнослужащие носили румынскую форму. Около половины её офицеров ранее служила в румынской армии. Идеологическую работу в ней вели штатные «культпросветработники» из политэмигрантов-коммунистов. В конце мая дивизия была включена в состав Второго Украинского фронта и участвовала в освобождении Румынии, Венгрии и Чехословакии. При вступлении Красной Армии в Румынию в официальном заявлении НКВД говорилось, что

Советское правительство «не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии»¹⁴⁷.

12 апреля советский посланник в Каире Н. В. Новиков вручил представителю Румынии условия перемирия, согласованные с Вашингтоном и Лондоном. Правительство И. Антонеску отказалось принять советские условия, отчасти — уступая нажиму немцев. Румынию защищала мощная группировка немецко-румынских войск, в которой собственно румын было меньше половины (из 22 из 47 дивизий, 335 тысяч из 900 тысяч солдат и офицеров). Кроме того, Антонеску надеялся договориться с англо-американскими союзниками. Румыния была для СССР ключом к Балканам — исторической зоне соперничества России и Британии, и несмотря на то, что Черчилль писал Молотову: «мы считаем вас нашими вожаками в румынских делах»¹⁴⁸, в Москве подозревали Лондон в закулисных переговорах с Бухарестом.

В конце апреля 1944 г. Молотов запросил разъяснения по поводу так называемой «миссии Шастелена», направленной в Бухарест британцами в конце 1943 г. Хотя они считались в Румынии военнопленными, обращение с ними Антонеску позволяло Молотову предположить, что это особое положение «не может существовать иначе, как при определённом соглашении между Британским Правительством и Правительством Румынии», что «отнюдь не могло способствовать ускорению капитуляции Румынии и принятию румынским правительством советских условий перемирия»¹⁴⁹. В свою очередь, Черчилль не собирался оказываться от заявки на влияние в румынских делах. Для британской дипломатии был важен вопрос об ограничении советских прерогатив в Румынии и о присутствии там представителей союзников. Черчилль писал: «мы считаем разумным, что в Румынии могут быть британские и американские представители по политическим вопросам подобно тому, как Вы имеете политических представителей в Италии»¹⁵⁰.

Вскоре последовало совместное «Заявление правительств Советского Союза, Великобритании и Соединённых Штатов, обращённое к сателлитам гитлеровской Германии» от 13 мая 1944 года, в котором в отношении малых союзников Рейха отменялся принцип безоговорочной капитуляции¹⁵¹. Определённой базой военного сотрудничества в борьбе с Германией уже к тому времени можно считать румынские части, воевавшие на стороне Советского Союза. В то же время, приближение советских войск и медленное, но неуклонное продвижение союзников в Италии способствовали перегруппировке румынских политических сил, оживив силы прогерманского режима.

Ещё в 1943 г., после Сталинграда в самой Румынии был создан подпольный Патриотический антигитлеровский фронт. Весной 1944 г. состоялось соглашение между коммунистами и социал-демократами

о единстве действий, а в июне создан их Военный комитет. Либеральная патриотическая оппозиция, придворные круги и часть армейской верхушки вошли в контакт с объединившимися левыми антифашистами. 20 июня было подписано соглашение о создании Национально-демократического блока из двух так называемых «исторических» (Национал-либеральной и Национал-царанистской (крестьянской) и двух находившихся в подполье (Коммунистической и Социал-демократической) партий. В подполье стали создаваться военные отряды, которые готовили восстание против Антонеску.

Тем не менее, Румыния была выведена из войны благодаря военному разгрому. 20–23 августа в результате Яско-Кишинёвской наступательной операции Красная армия ликвидировала основную группировку румынских войск и на фронте протяжением 580 км разгромила германские группы армий «Южная Украина», «Вёлер» и 2 румынские армии, поддержанных 4-м германским воздушным флотом.

23 августа в Бухаресте началось восстание подпольного Патриотического антигитлеровского фронта против Антонеску, который заявил о верности Гитлеру и отказался прекратить сопротивление. Тогда король Михай приказал арестовать премьер-министра во дворце, когда тот прибыл к нему на аудиенцию, и интернировать представителей германской военной миссии¹⁵². В ночь на 24 августа по приказу короля военные действия были прекращены. Через сутки Заявление Советского правительства обещало Румынии сохранить её вооружённые силы в случае перехода на сторону Объединённых Наций¹⁵³. Советскому послу в Анкаре Виноградову 25 августа 1944 г. была вручена нота румынского правительства, в которой король объявил о прекращении сопротивления (с 4 часов 24 августа), принятии ранее предложенных советской стороной условий перемирия и готовности «приступить к полному удалению всех немцев, находящихся на румынской территории»¹⁵⁴.

Новое правительство возглавил адъютант короля, генерал К. Сэнэтеску (в советских документах — Санатеску), и Москва была намерена содействовать «поддержанию авторитета нового румынского правительства», как выразился в ожидании румынской делегации Молотов. В беседе Керром и Гарриманом (26 августа) он заявил, что в первоначальные условия перемирия внесены три дополнения касательно сокращения размера компенсации, выделения свободной зоны пребывания румынского правительства и предоставления немецким войскам 15-дневного срока для ухода из Румынии. СССР настаивал только, чтобы переговоры проходили именно в Москве¹⁵⁵. Соглашение было подписано 12 сентября. Румыния признавала факт поражения в войне против СССР, Великобритании, США и других Объединённых Наций и вступила на их стороне в войну против Германии и Венгрии «в целях восстановления своей независимости», для чего обязалась выставить 12 пехотных

дивизий (ст. 1)¹⁵⁶. Советское Главнокомандование на территории Румынии, так же как в Финляндии, выполняло функции Союзного Главнокомандования и действовало от имени Союзных держав.

В начале октября 1944 г., когда Черчилль в сопровождении Идена прибыл в Москву, союзники согласились с тем, чтобы политические преобразования в Румынии совершались под контролем Москвы¹⁵⁷. Касаясь перехода румынских сил на сторону союзников, Молотов заметил, что король Кароль «мог создать определённые трудности для лиц, желающих продолжать войну, но что теперь, когда положение изменилось, этот вопрос не имеет никакого значения. СССР вполне удовлетворён положением в Румынии». Молотов намекал на враждебность короля кругу диктатора Антонеску. В 1940 г. Кароль II, передав по настоянию Антонеску королевские полномочия своему сыну Михаю, уехал в Мексику, где в 1943 г. вёл переговоры с советским послом Уманским. Советская дипломатия, видимо, рассчитывала тогда использовать желание Кароля вернуть себе трон для дестабилизации внутривнутриполитического положения в Румынии¹⁵⁸.

Лондон интересовала роль коммунистов в планах Москвы. Иден поинтересовался, не угрожает ли Коммунистическая партия национальному блоку? Молотов дал прямо понять, что коммунистический сценарий для Румынии может рассматриваться только в случае отказа нового правительства от соглашения о перемирии: «главная трудность заключается в том, что один из руководителей этого блока Маниу публично не высказался за перемирие»¹⁵⁹.

СССР добился восстановления государственной границы с Румынией в соответствии с соглашением от 28 июня 1940 г., т.е. международного признания территориальных изменений кануна Великой Отечественной войны. Он оставлял за собой Бессарабию и Северную Буковину.

В качестве компенсации за вступление в войну на стороне Объединённых Наций Союзные Правительства заявили о том, что «считают несуществующим» решение Венского Арбитража от 30 августа 1940 г., по которому к Венгрии отходила Северная Трансильвания, в основном населённая венграми, а также румыно-болгарский договор от 7 сентября 1940 г. об уступке Румынией Южной Добруджи с болгарским населением. Решение территориального вопроса в пользу Румынии определилось сравнительно быстрым разворотом Бухареста к миру и сотрудничеству с СССР. Обосновывая предложения об отторжении Трансильвании от Венгрии в «Комиссии Литвинова», Лозовский заявил: «Я не думаю, что парцелляция в Европе нам вредна. Чем больше мыотрежем от вражеских стран территорий, тем лучше. Если отказаться от парцелляции, все наши планы по отношению к Германии будут подрезаны. По отношению к ней мы стоим на парцелляции, ее нужно расчленивать на несколько частей. Нам нужно исходить не из того, какая была расстановка сил по

отношению к России, а из того, какова позиция по отношению к СССР. Это — классовый вопрос, а не национально-территориальный»¹⁶⁰. В данном случае понятие *классовый* было тождественно соответствию интересам Советского Союза.

25 октября Красная армия при участии румын очистила всю территорию страны от германских войск. Её потери убитыми и ранеными составили свыше 286 тыс. человек. Потери румынской армии на стороне Объединённых наций — 58 330. Далее она участвовала в боях в Венгрии и Чехословакии. Король — номинальный главнокомандующий румынской армией, одна часть которой продолжала воевать на стороне Германии, другая после дворцового переворота перешла в оперативное подчинение командования советских 2-го и 3-го Украинских фронтов, был награждён высшим советским полководческим орденом Победы.

Поскольку Румыния «не просто вышла из войны, а объявила войну и ведёт её на деле против Германии и Венгрии», подписывая Соглашение о перемирии, СССР согласился на *частичное* возмещение ущерба, причинённого ему румынской оккупацией в сумме 300 млн долларов США с погашением в течение 6 лет товарами (ст. 11). Речь шла о возмещении только 1/3 нанесённого румынской агрессией ущерба, причём впоследствии и эта сумма была сокращена Советским правительством ещё почти на 1/3. Власть румынской гражданской администрации (под контролем Союзного Командования) восстанавливалась по мере движения линии фронта, по всей полосе территории, отстоящей от зоны боевых действий не менее чем на 50–100 км. Политические преобразования в оккупированной советскими войсками Румынии на тот момент ограничивались мероприятиями по денацификации и дефашизации и наказанием военных преступников. Суверенитет королевского правительства (в отличие от Финляндии) сверх того был ограничен введением строгой цензуры (периодической печати, а также любых печатных изданий, кино, радио и театров) со стороны Союзного (Советского) Главнокомандования. Все средства массовой информации в стране были поставлены под его контроль (ст. 16)¹⁶¹.

Результатом соглашения с королевским правительством Румынии, помимо ускорения распада нацистского блока, было обретение советскими войсками удобного стратегического плацдарма для продолжения войны в Венгрии и на Балканах. Роль Красной армии в освобождении страны от немецко-фашистских войск обеспечила послевоенное влияние СССР в регионе, на который нацеливался Черчилль, рассчитывая заместить там Гитлера.

Венгрия вплоть до конца войны оставалась верным союзником Гитлера, и союзным дипломатам не удалось вовлечь её в переговоры на основе известной майской декларации, адресованной германским сателлитам. 19 марта 1944 г. германские войска оккупировали Венгрию. Тем не менее, 31 августа 1944 г.,

после решения союзников об отказе в отношении малых стран — сателлитов Германии от требования безоговорочной капитуляции, Комиссией Ворошилова был представлен «несколько смягчённый» проект, который предлагалось «использовать в случае, если Венгрия, подобно Румынии, должна будет выйти из войны до капитуляции Германии»¹⁶².

Однако окончание войны с Венгрией не повторило румынский сценарий. В конце сентября — начале октября 1944 г. советские и примкнувшие к ним румынские войска вышли к территории Югославии и румыно-венгерской границе. Направленная было в Москву для переговоров неофициальная венгерская делегация, хотя и была встречена с недоверием¹⁶³, однако получила условия перемирия¹⁶⁴. 11 октября 1944 г. после обсуждения Молотовым и Иденом вопроса о перемирии с Болгарией, в присутствии американского посла Гарримана Молотов сообщил, что находящаяся в Москве венгерская делегация получила от своего правительства письмо с согласием на предварительные условия перемирия. Венгерская сторона просила, чтобы продвижение советских войск к Будапешту было приостановлено, т.к. венгерское правительство намеревалось перебросить с фронта венгерские войска на Будапешт против превосходящих немецких сил, поскольку имеется опасность германского удара, «за которым последуют убийства и погромы, которым нужно помешать» (в Будапеште тогда оставалось 200 тыс. евреев). Согласие советского правительства не встретило возражений союзников¹⁶⁵, так же как стремление советской дипломатии оставить за собой решающее слово в решении судьбы Венгрии. Обсудив со Сталиным «процентное» предложение Черчилля, озвученное накануне на первой встрече в верхах, во время второй беседы с Иденом 10 октября 1944 г. Молотов сообщил, что вчера Сталин говорил ему: «Ввиду тех тяжёлых жертв, которые в настоящее время несут советские войска в Венгрии, следовало бы изменить соотношение, предложенное Черчиллем, на 75:25. «Надо учитывать, что Венгрия является пограничной с Советским Союзом страной и что заинтересованность Советского Союза в Венгрии понятна»¹⁶⁶.

Однако переговоры с представителями Хорти скоро были прерваны, поскольку 15 октября Хорти уступил власть лидеру фашистской партии «Скращенные стрелы» Ф. Салаши, подтвердившего верность союзу с Гитлером для отражения советской угрозы. Наступление советских фронтов к 28 октября увенчалось освобождением свыше 1/3 территории Венгрии и Северной Трансильвании. Наличие венгерской территории под контролем советских войск позволило перейти к *классовому*, революционному сценарию принуждения Венгрии к миру на основе формирования широкого антифашистского фронта демократических сил.

Ещё в мае 1944 г. коммунисты создали нелегальный Венгерский фронт в составе Коммунистической, Социал-демократической и Национальной крестьян-

ской партий. На этой базе на освобождённой территории 2 декабря 1944 г. в г. Сегед был создан Венгерский фронт национальной независимости, в который вошли Коммунистическая, Социал-демократическая, Национальная крестьянская, Буржуазно-демократическая партии, Партия мелких сельских хозяев и профсоюзы. На местах роль временных органов власти исполняли национальные комитеты фронта. 22 декабря 1944 г. в Дебрецене Временное национальное собрание образовало коалиционное Временное национальное правительство, направившее в Москву просьбу о перемирии. 28 декабря ВВП объявило войну Германии, но оно не контролировало ни большую часть территории страны, ни ядро вооружённых сил.

Между тем сам факт существования Временного правительства и контакты с ним имели для Советского Союза большое значение с точки зрения послевоенного урегулирования: оно позволило найти в венгерском обществе политическую силу, легитимность которой в качестве законного представителя интересов венгерского народа подтверждалась признанием Объединённых наций. Поэтому Молотов выступил его адвокатом. Нарком настаивал на ускорении дипломатического завершения войны с Венгрией: «ВБолгарии тоже было создано новое правительство. Ни США, ни Великобритания не ставили тогда вопроса о том, признавать ли новое правительство в Болгарии, теперь в случае с Венгрией, речь идёт о разложении венгерской армии и о том, чтобы вывести Венгрию из войны»¹⁶⁷.

20 января 1945 г. в Москве представителями Советского Верховного Главнокомандования, получившего также полномочия от командования Великобритании и США, и Временного национального правительства Венгрии было подписано соглашение о перемирии. Им признавался факт военного поражения Венгрии, выход её из войны и объявление войны фашистской Германии. Венгерская сторона обязывалась разоружить германские вооружённые силы на своей территории и передать их как военнопленных союзному командованию. Это было чисто формальным обещанием, поскольку наличных сил для его реализации у Временного правительства не было. Боеспособные венгерские части по-прежнему подчинялись правительству Салаши, сохранившему верность Гитлеру. Венгрия осталась одним из последних форпостов германской обороны в Восточной Европе. Вся территория Венгрии была освобождена только в конце марта 1945 г., однако признание союзниками альтернативного демократического правительства под контролем Москвы было основой дальнейшего подключения Венгрии к советской системе в Восточной Европе.

Утверждение советского влияния на Балканах

О возвращении Советского Союза к традициям царской политики на Балканах свидетельствует, в частности, записка заместителя наркома иностран-

ных дел Литвинова, который по поручению Молотова подготовил и представил в декабре 1944 г. проект послевоенного развития отношений с Англией. По-видимому, климат союзничества, установившийся в кулуарах наркомата, благоприятствовал идеям возвращения к классической политике концерта держав, на этот раз — с участием СССР. Литвинов считал, что, во избежание будущих осложнений, двум европейским грандам — Великобритании и СССР — следует ещё до конца войны чётко разграничить «сферы безопасности» — по сути, сферы влияния.

«Единственное крупное противоречие, которое в англо-советских отношениях послевоенная эпоха унаследует от прошлого, может вытекать из соображений равновесия сил в Европе. Соглашение же осуществимо лишь на базе полюбовного разграничения сфер безопасности в Европе по принципу ближайшего соседства. Своей максимальной сферой интересов Советский Союз может считать Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, славянские страны Балканского полуострова, а равно и Турцию. В английскую сферу, безусловно, могут быть включены Голландия, Бельгия, Франция, Испания, Португалия и Греция»¹⁶⁸. Принимая во внимание особый интерес британской дипломатии к Балканам, Москва стремилась поставить страны региона под контроль советского военного командования.

Зачем СССР объявил войну Болгарии

Ключевую роль в реализации этого плана играла Болгария. Не будучи в состоянии войны с Болгарией и в условиях продвижения англо-американцев по Италии и к Балканам советское правительство должно было решить сложную дипломатическую задачу — исключить Болгарию из круга стран гитлеровской оси, подлежащих военному контролю союзников. Действовать надо было спешно, поскольку ещё в феврале 1944 г. посол США Гарриман сообщил Молотову о неофициальных демаршах высокопоставленных болгарских оппозиционеров, прощупывающих через американцев возможность перехода на сторону Объединённых наций¹⁶⁹.

Замирение Болгарии с англо-американцами союзниками шло вразрез с советскими интересами, и в Москве сочли необходимым затормозить деятельность дипломатии союзников. На запрос Гарримана (19 марта 1944 г. — в день, когда германские войска оккупировали Венгрию) о рассмотрении в ЕКК вопроса о мирных условиях для Болгарии, Молотов ответил, что в Москве считают этот вопрос «неактуальным», поскольку англо-американские войска в данный момент находятся далеко от Болгарии. «Войска союзников в Италии двигаются медленно», — повторил он для усиления впечатления, — и нет никаких сведений о том, чтобы внутреннее положение в Болгарии требовало бы принятия срочных решений¹⁷⁰.

Между тем, советская дипломатия начала нажим на Болгарию. 17 апреля 1944 г. нарком иностранных

дел Молотов вручил болгарскому посланнику в Москве Стаменову ноту, в которой Москва «настоятельно предлагала» правительству Болгарии «немедленно прекратить использование гитлеровской Германией болгарской территории и болгарских портов против Советского Союза»¹⁷¹. В ответной ноте 24 апреля Болгария заявила, что утверждения советской стороны о предоставлении болгарских портов и аэродромов для военных действий против СССР «не соответствуют действительности», напоминая, что присоединилась к оси Берлин — Рим — Токио в то время, когда сам Советский Союз был связан пактом с Германией, и тогда оба эти обязательства не противоречили «корректным, лояльным и дружественным» болгаро-советским отношениям¹⁷².

Советская сторона предложила Болгарии возобновить работу консульства СССР в Варне, закрытого по настоянию болгарского правительства осенью 1942 г., а также учреждения новых консульств в портах Бургасе и Руссук, что создало бы возможность проводить проверку фактов использования Германией болгарской территории в военных целях. Однако Болгария поставила предварительным условием возобновление экономических отношений с СССР, прерванных военными действиями на Чёрном море. В ответной ноте 9 мая Москва расценила это условие как отказ от удовлетворения советских требований и намерение продолжать логистическую помощь Германии¹⁷³. Болгария продолжала отвечать заверениями в «желании взаимопонимания и усиления отношений доверия и дружбы между двумя странами». Только 29 июля, после успешных наступлений Красной Армии в Румынии и открытия второго фронта во Франции (а не на Балканах) Болгария согласилась, со множеством оговорок, «сообразуясь с возможностями момента» и «постепенно» удовлетворять советские требования, начиная с восстановления консульства в Варне с возможным последующим распространением зоны его компетенции на Бургас и Руссук.

Правительство Болгарии опасалось германской реакции на резкую смену курса, что могло привести к осложнениям на Балканах, которые не были бы в интересах не только Болгарии, но и СССР¹⁷⁴, тем более что военное присутствие Германии в Болгарии усилилось по мере отхода фашистских войск из Румынии. Изменение военной ситуации привело к смене повестки дня советско-болгарского диалога. Красная армия приближалась к границам Болгарии, отчего вопрос о консульствах в глазах Москвы «потерял всякий смысл». Москва потребовала разрыва Болгарии с Германией. Болгарское правительство продолжало настаивать на нейтралитете, что не мешало отступавшим из Румынии фашистским войскам использовать территорию страны для перегруппировки и переброски подкреплений на германо-советский фронт. Очередная смена правительства (3 сентября Багрянова сменил Муравиев) не приве-

ла к смене курса в этом вопросе. Немцев в Софии по-прежнему боялись больше, чем Красной Армии.

После безрезультатной попытки советского правительства ускорить добровольный выход Болгарии из союза с Германией¹⁷⁵, Москва предприняла решительный шаг. 5 сентября — на следующий день после известия о выходе из войны Финляндии и в то время, как румынская делегация должна была дожидаться в Москве начала переговоров о перемирии, СССР объявил Болгарии войну. Основанием послужил тот факт, что она позволила отступающим немецким войскам создать новый очаг сопротивления на Балканах. Несмотря на более чем решительный тон, нота призвана была напомнить болгарам о симпатии России к братскому славянскому народу — скорее жертве и невольному орудию могущественной Германии, чем её добровольному союзнику. В ноте отмечалось, что все три года войны советское правительство «считалось с тем, что маленькая страна Болгария не в состоянии сопротивляться мощным вооружённым силам Германии в такое время, когда Германия держала в своих руках почти всю Европу». Однако, в изменившихся условиях, в связи с успешным наступлением антигерманской коалиции на востоке, на западе и на юге Европы, когда она «имеет полную возможность, не опасаясь Германии, «использовать благоприятный момент» и, подобно Румынии и Финляндии, порвать с Гитлером, присоединившись к «антигитлеровской коалиции демократических стран», верность Болгарии союзу с Германией расценивалась Кремлём как «фактическое ведение войны в лагере Германии против Советского Союза»¹⁷⁶.

Вина за конфликт возлагалась на правящие круги Болгарии, которые «втянули болгарский народ в войну сначала против Англии и США, а потом и против Советского Союза, против братского русского народа, пролившего свою кровь за освобождение Болгарии». Соответствующее сообщение Информбюро Наркоминдел СССР завершалось апелляцией к болгарскому народу: «Болгарский народ должен найти в себе силы, чтобы порвать навязанный ему союз с гитлеровской Германией и восстановить независимость и национальную честь своей родины»¹⁷⁷. В ночь на 6 сентября болгарский МИД опубликовал заявление о разрыве отношений с Германией и о том, что правительство Болгарии просит СССР о перемирии, а 8 сентября — об объявлении войны Германии. В тот же день войска Третьего Украинского фронта под командованием Ф. И. Толбухина форсировали Дунай и вступили на территорию Болгарии.

Тем временем в Софии коммунисты организовали вооружённое восстание. Решение о его начале было принято на следующий день после объявления СССР войны Болгарии. 6 сентября Политбюро ЦК БКП призвало народ к борьбе против фашистской диктатуры и назначило выступление на 9 сентября. В ночь на 9 сентября партизанские отряды и рабочие боевые группы без сопротивления заняли важнейшие

стратегические пункты в столице. Прогерманский режим был свергнут, и было сформировано правительство Отечественного фронта во главе с К. Георгиевым, а обновлённый Регентский совет при малолетнем царе Борисе возглавил коммунист Тодор Павлов. Правительство Отечественного фронта¹⁷⁸ заявило о готовности воевать против Германии и обратилось к Объединённым Нациям с просьбой о перемирии. Находившиеся в Болгарии германские части с боями отступали к границам с Грецией и Югославией.

В обращении советского командования содержалось важное послание болгарам: «Красная армия вступила в Болгарию как армия-освободительница от немецкого ига»¹⁷⁹. Поскольку болгарская армия не оказала никакого сопротивления, советская Ставка Верховного Главнокомандования приказала не разоружать её.

Советское решение болгарского вопроса, несмотря на безусловный успех дипломатии, обещавшей практически мирный выход Болгарии из войны, не устроил союзников. Они предпочли бы оставить за собой честь победы над Болгарией, с которой они воевали три года и уже вели переговоры о перемирии. Британский посол Керр выразил от лица своего правительства удивление, что советское правительство выбрало для объявления войны Болгарии момент, когда Болгария предпринимает попытки заключить мир с союзниками. Керру поручили узнать, «означает ли этот шаг Советского Правительства, что оно намерено прекратить переговоры о перемирии, ведущиеся в настоящее время с Болгарией, ввиду того, что при теперешнем положении англичане и американцы, ведя переговоры с болгарскими, нарушили бы обязательство о том, чтобы не заключать сепаратного мира с общим врагом». По сути, Лондон давал понять, что разгадал дипломатический манёвр советской стороны, для которой объявление войны Болгарии практически без риска реального военного столкновения было средством принять самое активное участие в подписании мира и в оккупации балканского государства.

В результате переговоры о перемирии с Болгарией были перенесены в Москву. Они начались только 26 октября, после визита Черчилля, во время которого состоялся известный «процентный» торг британского премьера со Сталиным, который продолжили затем Молотов и Иден. Иден не скрывал: он «удручён общим положением на Балканах. Британское правительство было поставлено перед рядом свершившихся фактов, о которых оно не было уведомлено»¹⁸⁰. Речь шла, в том числе, и о недавнем визите признанного и «пригретого» англичанами руководителя югославских партизан И. Броз Тито в Москву без ведома британцев и его договорённостях со Сталиным относительно пребывания болгарской армии в Югославии, а также о третировании болгарскими военными английских пленных офицеров.

Капитулировав перед советскими войсками,

«болгары обращались с англичанами и американцами так, как будто союзники проиграли им войну»¹⁸¹. Иден попытался отстоять англо-американские права на болгарской территории после окончания войны с Германией. Уступив Москве право принимать переговоры о перемирии, министр иностранных дел Англии был не намерен уступить в другом существенном вопросе, потребовав участия англо-американцев в Союзной Контрольной Комиссии (СКК) в Болгарии, т.к. они три года воевали с Болгарией. Он отгаивал американское предложение, согласно которому в Болгарии предполагалось создать такой же контрольный аппарат союзников, какой должен был существовать в Германии.

Молотов на этот счёт возразил: «Сравнение с Германией непонятно, так как она будет разделена на зоны оккупации». В духе свежих процентных предложений Черчилля Молотов предложил «предоставить в Болгарии 90% Советскому Союзу»¹⁸². Тут-то и начинается знаменитый торг Идена и Молотова, названный впоследствии «процентным соглашением», а на деле подтвердивший намерение СССР утвердить свою роль на Балканах на правах победителя в ущерб, прежде всего, британским интересам. Идея определить меру влияния в процентах принадлежала Черчиллю, который изложил её во время первой же личной встречи со Сталиным «с глазу на глаз».

В своих мемуарах Черчилль рассказал, что на первой же встрече 10 октября, когда «создалась деловая атмосфера», он набросал цифры на листке бумаги и тут же передал его Сталину. Фотокопия записки опубликована¹⁸³, и текст её гласит: «Румыния: Россия 90 процентов, другие 10 процентов; Греция: Великобритания (в согласии с США) — 90 процентов, Россия — 10 процентов; Югославия: 50:50 процентов; Венгрия: 50:50 процентов; Болгария: Россия 75 процентов, другие 25 процентов». Сталин внимательно прочёл и, поставив на листе большую «птичку» синим карандашом, вернул её Черчиллю. Для приличия премьер заметил: «Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжём эту бумажку».

Сталин сказал: «Нет, оставьте её себе»¹⁸⁴. Лидеры больше к этому документу не возвращались, зато в последующие дни торгом вокруг обозначенных процентов занимались Молотов и Иден¹⁸⁵. Впоследствии неофициальные итоги обсуждения содержания этой записки назвали «процентным соглашением». Хотя соглашения как такового не было, записка Черчилля имела принципиальное значение. Уезжая из Москвы, британский премьер-министр имел чёткое представление об аппетитах Сталина в Восточной Европе и на Балканах и о границах возможного для реализации британских интересов. Косвенное признание в ходе советско-британского торга интересов Англии в Греции очертило границы политических преобразований в этой стране. Вместе с тем, англо-американские

союзники были предупреждены, что советская дипломатия намерена отныне рассматривать Румынию, Венгрию, Болгарию и Югославию в качестве сферы своих особых интересов.

Черчилль претендовал на британское первенство в Греции и Югославии в обмен на признание прав СССР в Румынии и Венгрии. За Болгарию он предполагал побороться. Игру продолжили в течение нескольких дней главы дипломатических ведомств двух держав.

По мнению Идена, события в Болгарии не должны развиваться по румынской модели, так как в Румынии британские и американские офицеры «являются лишь наблюдателями, а в Болгарии хотели бы после капитуляции Германии быть и активными участниками работы комиссии, хотя участие это будет меньше, чем у русских, т.к. в Болгарии будут находиться советские войска». Молотов заметил, что это было бы странное руководство. Позже, в той же беседе, он вернулся к вопросу руководства при участии британских и американских представителей в СКК в Болгарии: «Руководство контрольными комиссиями в Италии и Румынии принадлежит англо-американскому и соответственно Советскому командованию. Но что получится, если в случае с Болгарией будет установлен новый порядок, когда три державы будут отвечать за работу КК? Есть опасность возникновения неразберихи и трений»¹⁸⁶.

Отстаивая свои права в Болгарии, Иден ссылаясь на их вклад в борьбу против прогитлеровского режима: «Англия и США воевали с Болгарией в течение трёх лет, болгары плохо обращались с американскими пленными. Россия воевала с Болгарией лишь 48 часов». Молотов обосновал советские претензии: «Болгария, помогая немцам, причинила СССР больше ущерба, чем какой-либо другой стране». Оставив торг, Иден перевёл разговор на Югославию, но Молотов просил срочно, в течение 24 часов, решить вопрос о Болгарии¹⁸⁷.

На следующий день, 11 октября 1944 г., Иден продолжил переговоры, изначально согласившись с советским руководством СКК в Болгарии в «первой фазе», т.е. пока идёт война. Он сказал, что Лондон не рассчитывает на активное участие в работе СКК (по предложению Идена её можно было бы именовать не Союзной, а Советской с участием представителей Англии и США) в первый период. Но во втором периоде, после капитуляции Германии, они хотели бы играть более активную роль¹⁸⁸, что было зафиксировано в американском варианте ст. 18 проекта Соглашения о перемирии. Для содействия военной операции союзников Иден предложил опубликовать предъявление Болгарии требований об отводе войск из Греции, против чего Молотов не возражал. Вскоре (16 октября) Иден сообщил Молотову о взятии англо-американским десантом Афин¹⁸⁹.

Вопрос о руководстве СКК в Болгарии был решён на основе компромисса. Молотов подтвердил,

что «в отношении периода депорирования Германии нет разногласий, о большем участии британского и американского представителей в работе СКК во втором периоде достигнуто согласие». Но для Москвы остался важным вопрос о руководстве Комиссией: Молотов предложил, чтобы в редакцию ст. 18 было указано, что слова «под председательством советского представителя» были заменены словами «под председательством представителя Союзного (Советского) Главнокомандования»¹⁹⁰. Это означало, что союзники предоставляли право советскому представителю действовать от имени Объединённых наций, а не просто соглашались с его ролью председателя Комиссии.

Для СССР это был не только вопрос престижа, но и политический вопрос. Роль коммунистов в свержении профашистского режима и в новом правительстве Отечественного фронта позволяла надеяться на скорейшее превращение Болгарии не просто в дружественную страну, но и в идейно-политического союзника Москвы. Поскольку главным дипломатическим аргументом на тот момент была мощь советской армии, ей удалось отстоять свои привилегии в болгарском урегулировании. Опираясь на это преимущество, советская дипломатия стремилась снизить издержки перемирия для новой болгарской власти. Союзники требовали изъятия болгарских заграничных активов в качестве возмещения военного ущерба. СССР в таком случае ничего не выигрывал, поскольку Болгария не воевала против него.

Молотову пришлось напомнить, что в Соглашениях с Румынией и Финляндией (которые нанесли большой ущерб СССР) соответствующих пунктов не было. Сославшись на Сталина, Молотов настаивал: «было бы неправильно требовать от Болгарии то, что мы не требовали от Румынии и Финляндии. Тут речь идёт о принципе. Мы не можем ставить Болгарию в худшее положение, чем Румынию и Финляндию. Болгария не вводила своих войск ни на территорию Англии, ни на территорию США, ни на территорию СССР, в то время как Румыния и Финляндия занимали советскую территорию и нанесли нам значительный ущерб»¹⁹¹. На том же основании, но главное — не желая допускать в Болгарию англо-американские войска, советские переговорщики отклонили предложенный союзниками пункт об оккупации Болгарии.

Принимая во внимание, что в стране утвердилась власть правительства Отечественного фронта, принципиально отличного от прежних — союзников Гитлера, СССР не был согласен на жёсткие условия, выдвинутые Великобританией и США. Болгария, по сути, не вела войны против СССР, но предложенный союзниками пункт об оккупации её территории войсками Объединённых Наций предполагал применить к ней санкции более жёсткие, чем к Финляндии и Румынии — убеждённым противникам СССР в войне, причинившим стране большие потери. Главная причина такого заступничества — идейное родство

с новыми болгарскими властями. Ещё в апреле 1944 г. Молотов говорил югославскому коммунисту Джиласу, что Болгария, захватившая во время войны часть Югославии, является другом врагов СССР, а Югославия — союзницей СССР. Но что в Болгарии «коммунисты не могут отвечать за болгарское правительство»¹⁹².

Спорным был также вопрос о том, кто будет подписывать перемирие от имени союзников. В двух предыдущих случаях это право предоставлялось советским представителям, они же стояли во главе Союзной контрольной комиссии. В случае с Болгарией ангლოსаксы настаивали на том, чтобы перемирие от союзных держав подписал Верховный командующий союзными войсками на Средиземноморском театре генерал Г. Вильсон. Молотов согласился далеко не сразу, в обмен на признание своего первенства в Болгарии, и преподнёс своё согласие как серьёзную уступку. При этом нарком представил весьма изощрённую аргументацию: «надо учитывать опасность, что если условия перемирия будут подписаны маршалом Толбухиным и генералом Вильсоном (командующим на Средиземном море), то это даст болгарам повод думать, что Болгария является черноморской и средиземноморской державой. У Болгарии может разыгаться воображение»¹⁹³.

В итоге перемирие было доверено подписать Командующему 3-м Украинским фронтом маршалу Ф. И. Толбухину и представителю Верховного командующего союзников в Средиземноморье, английскому генералу Д. Гаммелю. Толбухин был также назначен председателем СКК в Болгарии. Переговоры с делегацией из Софии начались 26 октября. Уже через два дня, 28 октября 1944 г. в Москве представителями советского Верховного Главнокомандования, верховного командующего союзников в средиземноморском районе и правительства Отечественного фронта Болгарии было подписано Соглашение о перемирии, условия которого в целом совпадали с условиями аналогичного соглашения с Румынией. Советский Союз поставил Болгарию под свой военный и политический контроль. Болгарская армия обязалась участвовать в борьбе против Германии под руководством советского Главнокомандования. Были предусмотрены:

- свободное передвижение войск союзников (фактически — одних советских войск) по территории страны;
- роспуск всех фашистских и профашистских организаций и недопущение впредь их существования;
- возврат имущества Объединённых наций и возможность последующей выплаты репараций за понесённые ими военные расходы;
- передача в качестве трофеев союзному (фактически советскому) командованию всего военного имущества Германии и её сателлитов, включая их суда, находившиеся в болгарских портах¹⁹⁴.

Работа Контрольной комиссии была подчинена советским интересам и направлена на нейтрализацию представителей англо-американских союзников. Иден уже в декабре 1944 г. в послании Молотову жаловался на ограничения и препятствия, чинимые советскими военными властями в Болгарии работе Британской военной миссии. В частности, неоговоренным ранее требованием советского представителя генерала Бирюзова ограничить численность британского и американского представительств в СКК одиннадцатью офицерами с каждой стороны¹⁹⁵. Молотов в этой связи вынужден был напомнить, что Болгария не является страной «безоговорочно капитулировавшей». Нарком напомнил, что в соответствии со ст. 18 Соглашения о перемирии с Болгарией, до окончания военных действий с Германией СКК должна находиться под руководством Союзного (Советского) Главнокомандования. Следовательно, вся работа СКК «осуществляется и направляется советской частью комиссии», и так уже достаточно многочисленной.

Опыт работы СКК в Финляндии, Румынии и Болгарии показал, что для работы СКК достаточно 200–220 человек, СССР установил штат своих представителей, сотрудников и обслуживающего персонала в 200 человек, которым доверены все вопросы управления. У представителей же союзников задачи, в основном, информационные. США установили штат в 42 человека, а Лондон наметил штат в 168 человек, который нарком назвал «*весьма преувеличенным*». Молотов выразил надежду, что британское правительство «даст указания о сокращении этого штата до пределов, предложенных Председателем СКК»¹⁹⁶. Советские планы управления Болгарией не предполагали наличия в стране значительного англо-американского персонала.

На Балканах советские геополитические интересы ещё до конца войны были обеспечены пребыванием советских войск в Болгарии и военно-политическим братством с югославским сопротивлением под руководством коммуниста И. Тито. В то же время, как было сказано выше, советское руководство не считало возможным развить успех в Греции, оставив её зоной британских интересов.

Коммунистический тандем и вопрос о судьбе монархии в Югославии

Выход Болгарии из войны и вступление Красной армии на её территорию способствовали продвижению советских интересов на Балканах, открывая перспективы военного и политического содружества с Югославией. Главным протагонистом такого сотрудничества был глава вооружённого антигерманского сопротивления Югославии, коммунист И. Броз Тито. У него было тем больше оснований полагаться на Москву, что он стремился противодействовать политике Черчилля, направленной на скорейшее восстановление прав югославского короля Петра, укрывшегося в Лондоне.

Между тем, 29 ноября 1943 г. Антифашистское вече народного освобождения Югославии провозгласило себя верховным органом, совмещающим законодательную и исполнительную власть — Югославский Антифашистский Совет Национального Освобождения (ЮАСНО)¹⁹⁷, который в тот же день запретил молодому королю Петру, жившему в эмиграции в Лондоне, возвращаться в Югославию до конца войны. Было постановлено, что после войны вопрос о форме правления в стране будет решён всеобщим плебисцитом. Тогда же был образован Национальный комитет освобождения Югославии во главе с И. Броз Тито с функциями временного правительства.

То обстоятельство, что королевское правительство Югославии, подобно многим другим изгнанникам, нашло убежище в Лондоне, казалось Черчиллю очевидным основанием для активного участия в политическом урегулировании и в дальнейшем — реализации британских интересов в Югославии. В то же время Черчилль видел, что сила и авторитет на территории Югославии по мере разрастания вооружённого сопротивления переходят в руки коммуниста И. Броз Тито. Британский премьер инициировал посреднический диалог, целью которого был поиск договорённостей между Тито и королём Петром II, не забывая подробно информировать о его ходе своих советских коллег. По его совету молодой король стремился продемонстрировать максимум уважения и симпатии к Советскому Союзу. Направленное в Москву официальное сообщение о своём бракосочетании с Александрой Греческой он начал обращением: «Дорогие и Великие друзья»¹⁹⁸.

Внутреннее сопротивление в Югославии и лично Тито были заинтересованы в отстранении короля и его политического окружения от решения югославских дел в период освобождения и продолжали всё более тесно контактировать с Москвой. По инициативе оказавшихся в СССР солдат и офицеров югославской армии — перебежчиков и пленных, принудительно мобилизованных немцами на советско-германский фронт, — на территории СССР была сформирована югославская воинская часть для вооружённой борьбы против гитлеровской Германии. 16 февраля 1944 г. И. Броз Тито направил в её адрес полное энтузиазма приветствие, в котором подчёркивалась глубокая симпатия руководителей антифашистской борьбы в Югославии к Советскому Союзу.

В приветствии говорилось: «Вы — первый вооружённый отряд наших народов, который борется за свободу своей родины на советской земле рядом с Красной армией. Расскажите советским народам и их героической армии, как велика наша любовь к ним, как благодарны мы Красной армии за её авангардную роль в освобождении порабождённых стран»¹⁹⁹. Вскоре СССР обменялся с Главным командованием Народно-Освободительной Армии Югославии военными миссиями. 5 марта 1944 г. советская миссия во главе с генерал-лейтенантом Корнеевым прибыла в Югославию, к маршалу Тито²⁰⁰.

12 апреля в Москву прибыла военная миссия НКОЮ во главе с генерал-лейтенантом В. Терзичем. В составе миссии был коммунист генерал Джилас²⁰¹.

Из Югославии прибыли не просто союзники, а товарищи. На встрече с Молотовым Джилас подчеркнул: «У нас нет никаких секретов от Красной армии» и попросил содействовать в установлении прямой радиосвязи миссии со штабом Тито с возможностью пользоваться позывными и шифрами, предоставленными советским командованием²⁰². Тон бесед Молотова с Джиласом был прямым и откровенным. Молотов повторил обещание Сталина, что без Тито македонский вопрос решаться не будет. Когда речь зашла о политическом и общественном устройстве Югославии после освобождения, нарком напомнил: «Сталин (тогда) написал Тито, что мы против советизации Югославии». Джилас согласился: «Ставить сейчас вопрос о советах было бы авантюрой». Он высказался за создание демократической республики, но «не французского, а монгольского типа: промышленные предприятия надо будет отобрать у тех, кто предал народ»²⁰³. 19 мая Терзича и Джиласа принял Сталин²⁰⁴. СССР начал оказывать Тито военную помощь и политическую и дипломатическую поддержку.

Параллельно Черчилль продолжал информировать Москву о своих демаршах по обустройству политического будущего Югославии, побуждая советскую дипломатию способствовать объединению всех антигерманских сил. 25 февраля Черчилль писал Тито: «Можете ли вы меня заверить, что если король Петр освободится от Михайловича (военного министра. — Е. О.) и других плохих советников, он будет приглашён Вами присоединиться к его соотечественникам на поле боя, при условии, что югославские граждане будут свободны решить вопрос о своей собственной конституции после войны? Если я правильно сужу об этом мальчике, то у него нет более искреннего желания, чем находиться подле всех тех югославов, которые борются против общего врага, но /.../ я не могу настаивать на ... свержении его правительства /.../ до того, как я буду знать, может ли он рассчитывать на Вашу поддержку». В заключение Черчилль просил Тито снизить требования к королю²⁰⁵. В ответе от 27 марта Тито отказался пойти навстречу желанию короля, ссылаясь на закон ЮАС-НО от 29 ноября 1943: «Король лишён возможности возвратиться в Ю[гославию] до конца войны, когда всеобщим плебисцитом будет решён вопрос о форме правления в стране»²⁰⁶.

Для преодоления враждебности сторонников Тито к королю Черчилль посоветовал тому «организовать небольшое правительство /.../ из людей, /.../ ещё поддерживающих честные отношения с сербским народом». «Я рекомендовал королю вести себя тихо. Моя переписка с Тито весьма приятна»²⁰⁷, — добавил британский премьер в заключении. Черчилль дал понять, что в вооружённой борьбе с немцами намерен полагаться на Тито, ведь «именно он

в Югославии борется в Германии». Ответ Молотова был сдержанным. Нарком явно не очень верил в целесообразность договорённостей тогдашнего королевского правительства с Тито и не стремился к интенсивному диалогу с британским премьером по югославскому вопросу. Ему не импонировало стремление британцев подключить к нему малоинтересного Москве короля Петра, в окружении которого были реакционеры типа Михайловича. Кроме того, в глазах Сталина решающим стал прямой диалог с Тито. Молотов писал: «трудно из Москвы судить о том, что могут дать переговоры с королём Петром, который связан с генералом Михайловичем, давно уже полностью дискредитировавшим себя. Изменения в Югославском Правительстве, если они не будут пользоваться соответствующей поддержкой маршала Тито и Народно-Освободительной Армии Югославии, вряд ли могут принести какую-нибудь пользу /.../ Соглашение с маршалом Тито было бы действительно в интересах союзников»²⁰⁸.

Советский Союз усилил политическое и военное содействие Тито. В мае 1944 г. немецкий десант в р-не Дрвара пытался захватить руководство НКОЮ и Верховный штаб Народной Армии Югославии. На выручку срочно были отправлены советские самолёты, которым удалось спасти Тито и всё руководство Народно-Освободительной Армии Югославии²⁰⁹. 16 июня 1944 г. было заключено соглашение между королевским правительством и Тито. Шубашич — новый премьер-министр королевского правительства — сообщил в обращении к Молотову 9 июля 1944 г., что создал коалиционное правительство с включением представителей национально-освободительного движения, и предложил перевести советского посла при югославском правительстве из Каира в Лондон, а также назначить югославского посла в Москве «для скорейшего возобновления взаимного сотрудничества»²¹⁰.

Это обращение поддержал британский посол Керр. Вначале Молотов ответил уклончиво. В своём послании Шубашичу от 15 июня он использовал солагательное наклонение: «Советское правительство приветствовало бы объединение всех сил, борющихся в Югославии против гитлеровской Германии, против её ставленников ... — Недича, Павелича, Михайловича». Но в то же время он написал, что вопрос об обмене послами с югославским правительством в Лондоне «целесообразно было бы рассмотреть позднее»²¹¹. Однако уже 19 июня, после получения реакции Тито на соглашение в Югославии, в ответ на повторный запрос Шубашича и Керра нарком дал положительный ответ и согласился лично встретиться с Шибашичем²¹². Соответствующее письмо на имя Тито было написано ещё 5 июля, но передано Корнеевым только 17 июля. В письме говорилось: «Мы сделаем всё, чтобы соглашение провести в жизнь» и избежать гражданской войны в Югославии. В то же время он давал понять, сколь различны интересы

двух партий компромисса — королевской, опирающейся на британцев, и коммунистов, контролировавших Народно-Освободительную Армию и полагающихся на помощь СССР.

Тито предупреждал: «Мы будем твёрдо защищать те достижения, которые наш народ завоевал столь большими жертвами /.../ Мы придаём большое значение приближению Красной армии к Балканам, т.к. это означало бы предотвращение осуществления этих, для нас роковых, планов». Под роковыми планами подразумевалось восстановление в Югославии довоенного политического и социального строя. Тито писал: «если бы *союзники* высадились на Балканах, они бы поставили этот вопрос острее» и подчеркнул, что англичане хотят воспрепятствовать созданию демократической федеративной Югославии²¹³.

В сентябре 1944 г. пройдя через Румынию и Болгарию, Красная Армия приблизилась к границам Югославии. 21 сентября Тито прилетел в Москву, чтобы договориться о военном взаимодействии. Незадолго до этого был опубликован указ о его награждении высшей советской полководческой наградой — орденом Суворова 1-й степени²¹⁴. У хорвата Тито были непростые отношения с сербами, поддерживающими короля Петра. Поэтому он просил советское правительство, «чтобы войска Красной армии перешли границу в Восточной Сербии и оказали помощь нашим силам в освобождении Сербии и Белграда»²¹⁵.

Красная армия вступила на территорию Югославии в конце сентября. Чтобы не осложнять внутреннее положение в югославском сопротивлении, официально это было представлено как инициатива советского командования, которому требовался плацдарм на югославско-венгерской границе для борьбы против германских и венгерских войск в Венгрии. В соответствующем Сообщении ТАСС от 29 сентября 1944 г. говорилось, что Советское Командование обратилось к НКОЮ и Командованию югославской народно-освободительной армии с просьбой дать согласие на временное вступление Красной армии на югославскую территорию, граничащую с Венгрией. Югославская сторона согласилась при условии, что «на территории расположения частей Красной армии будет действовать гражданская администрация НКОЮ»²¹⁶.

Продвижение Красной армии в Болгарии и Югославии было ударом по балканской стратегии Черчилля²¹⁷. 9 октября британский премьер-министр в сопровождении министра иностранных дел Идена прилетел в Москву. Одной из целей их визита было обсуждение ситуации на Балканах, которые британцы не хотели бы выпустить из сферы своего влияния. Иден сказал Молотову, что «удручён общим положением на Балканах. Британское правительство было поставлено перед рядом свершившихся фактов, о которых оно не было уведомлено». Одной из претензий Лондона к Москве был визит Тито к Сталину. «Несколько месяцев назад Тито нашёл убежище на острове Вис под охраной британцев», — пояснил Иден. — Британское прави-

тельство вооружало Тито и спасло его от гибели. Но тот, не уведомив Лондон, поехал в Москву и заключил соглашение о болгарских войсках в Югославии»²¹⁸, в то время как британцы не хотели бы, чтобы подобные решения принимались без их ведома.

Через несколько дней, добившись признания советских интересов в Болгарии, Молотов изложил суть соответствующих договорённостей Сталина и Тито. Сославшись на соглашение с союзниками о том, что болгарские войска не могут находиться на территории Югославии без визы советского командования и маршала Тито, нарком заявил: «Такое согласие имеется. Это тем более выгодно потому, что это вредно немцам»²¹⁹.

Между советской и британской дипломатиями начался активный торг за влияние на дела в балканских государствах, включая Югославию, на завершающем этапе войны²²⁰. «Процентный» торг был описан выше. Из предыдущей переписки Черчилля с Молотовым и Тито можно понять, что договорённость о процентном соотношении интересов была нужна британскому премьеру как заявка на участие в политическом урегулировании в Югославии в период освобождения. Лондон отстаивал интересы королевского правительства, надеясь обеспечить тому политическую роль и место в Югославии в период освобождения.

Молотов сначала предложил поделить влияние в Югославии, так же как в Болгарии и Венгрии, в соотношении 75:25. Иден настаивал на равном влиянии, т.к. «Англия очень много помогла Тито». Торгуясь, Молотов предложил для Югославии 60:40 плюс обещание СССР не вмешиваться в дела на морском побережье Югославии, но Иден оспорил уменьшение английской доли. Наконец, нарком согласился на 50:50 для Югославии «только если для Болгарии принять соотношение 90:10. Если же для Болгарии принять 75:25, то для Югославии 40:60 плюс обещание СССР не вмешиваться в дела на морском побережье Югославии». Оставив этот торг, Иден спросил о советских планах относительно политического будущего Югославии. Он сообщил, что Британское правительство желает объединить Тито и югославское правительство в Лондоне²²¹. Молотов не возражал против того, чтобы Тито встретился с Шубашичем, и согласился вместе с Иденом стимулировать Тито и Шубашича к взаимному компромиссу²²².

20 октября советскими и югославскими войсками был освобождён Белград. Руководство НКОЮ переехало в столицу, где 1 ноября 1944 г. было подписано соглашение Тито и Шубашичем об образовании единого югославского правительства. Вопрос о политическом развитии послевоенной Югославии был оставлен до достижения окончательной победы над Германией. 18 ноября Шубашич, совмещавший функции премьер-министра и министра иностранных дел Королевского Югославского правительства прибыл в Москву вместе с заместителем председателя

НКОЮ Карделем²²³. 23 ноября их принял Сталин. Он одобрил образование Объединённого Югославского правительства на основании соглашений, заключённых И. Броз Тито и И. Шубашичем, считая его необходимым для «объединения всех истинно демократических народных сил в борьбе против общего врага и в создании федеративной Югославии»²²⁴.

По сути, в решении как болгарского, так и югославского вопросов, советская дипломатия переиграла Черчилля, найдя в то же время разумный баланс между императивами военной политики, интересами позитивного диалога с союзниками и классовыми целями в продвижении советского влияния на Балканах. Взаимопонимание с союзниками стало возможным в условиях, когда не разгромлены были ещё Германия и Япония и когда этот разгром и цена будущей победы зависели от степени взаимного доверия и тесного взаимодействия трёх держав. Советской дипломатии удалось воспользоваться тем недолгим периодом, когда стремление к согласию превалировало над идеологическими и геополитическими разногласиями, чтобы реализовать национальные задачи в соответствии с замыслом советского руководства.

Ценой политических компромиссов были выведены из войны малые страны-союзницы Германии: Финляндия, Румыния и Болгария, и проявленное в отношении их правительств снисхождение было призвано заложить основу будущего добрососедства. Дипломатии Кремля удалось обеспечить благоприятные условия для установления в этих странах лояльных к Советскому Союзу режимов. В Румынии и Болгарии были созданы предпосылки для последующего перехода ко второй стадии решения политического вопроса благодаря преобладанию коммунистов в коалиционных антифашистских правительствах.

Решение политической судьбы Польши и Чехословакии также осенью 1944 г. переместилось из Лондона в Москву. Ключевыми в этом были практически одновременные, но противоположные по содержанию с точки зрения взаимоотношений с Москвой, Варшавское и Словацкое национальные восстания. Ещё до окончания войны Москва обес-

печила стратегически выгодные изменения границы с Польшей и Чехословакией. Таким образом, были заложены условия для политических преобразований в Восточной Европе, по периметру советских границ, соответствующих интересам Москвы.

Кроме того, советской дипломатии удалось настоять на своём участии в выработке схем союзного управления на западе Европы. Благодаря её вмешательству, национальным патриотическим правительствам и силам внутреннего антигерманского сопротивления в освобождённых западными союзниками Бельгии, Франции и Италии, было обеспечено участие в послевоенном урегулировании, в ущерб англо-американскому военному командованию. Признание правительства Бадольо в Италии и Советско-французский союзный договор, заключённый с де Голлем, содействовали укреплению позиций Советского Союза в качестве великой державы — одного из центров европейской политики. В то же время, предписанная коммунистическим партиям этих стран Сталиным тактика единства антифашистских сил в духе демократического антифашистского фронта позволила им занять видное место в послевоенном политическом руководстве.

Советская дипломатия «переиграла» британцев на Балканах, в Болгарии и Югославии. Союзники признали также преобладание интересов СССР в Румынии и в Венгрии, освобождение которой приближалось благодаря прорыву советскими войсками венгерско-германской обороны на Балатоне. Заинтересованность англо-американских союзников в тесном военном взаимодействии с Красной армией, невозможном без преодоления дипломатических трений, стала дополнительным рычагом для обеспечения державных стратегических интересов СССР в Европе. В то же время, органически присущий советской дипломатии классовый характер сделал эти успехи залогом послевоенного идеологического и политического раскола Европы. Как и предполагали советские дипломатические планировщики, «концерт держав», в который Советский Союз вошёл по праву победителя, не пережил победы над Германией.

ДОКУМЕНТЫ

Советский Союз и Восточная Европа на рубеже войны и мира

Подборка документов подготовлена А. Ф. Носковой и Т. В. Волокитиной

1. 10 апреля 1944 г. — Постановление Государственного комитета обороны (ГКО) СССР в связи с вступлением Красной армии на территорию Румынии
2. 14 апреля 1944 г. — Обращение Военного совета 2-го Украинского фронта к населению Румынии, освобожденному Красной армией

3. 24 апреля 1944 г. — Из дневника народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова. Запись беседы с профессором Чикагского университета О. Ланге о правительстве освобожденной Польши, польской армии и судьбах поляков, находящихся в СССР
4. 24 апреля 1944 г. — Из дневника В. М. Молотова. Запись беседы с представителями Народно-освободительной армии Югославии М. Джиласом и В. Терзичем об отношениях с эмигрантским правительством, политике западных союзников и будущем государственном устройстве Югославии
5. 28 апреля 1944 г. — Запись беседы И. В. Сталина с ксендзом С. Орлеманьским о настроениях польской общественности в США по отношению к СССР
6. 14 июля 1944 г. — Директива Ставки Верховного Главнокомандования командующим войсками 1-го, 2-го, 3-го Белорусских, 1-го Украинского фронтов о разоружении польских вооруженных отрядов, подчинявшихся эмигрантскому правительству Польши
7. 20 июля 1944 г. — Донесение народного комиссара внутренних дел СССР Л. П. Берии И. В. Сталину о ходе операции по разоружению солдат и офицеров польской Армии Крайовой
8. 26 июля 1944 г. — Обращение политуправления 1-го Украинского фронта к польскому народу о целях вступления Красной Армии в Польшу
9. 26 июля 1944 г. — Директива Военного совета 1-го Белорусского фронта о линии поведения личного состава во взаимоотношениях с населением союзного польского государства
10. 1 августа 1944 г. — Директива Генерального штаба Красной Армии командующим войсками 1-го, 2-го, 3-го Белорусских, 1-го Украинского фронтов с объявлением Постановления ГКО СССР о советских военных органах на освобожденной территории Польши
11. 3 августа 1944 г. — Запись беседы И. В. Сталина с делегацией правительства Польши в эмиграции во главе с премьер-министром С. Миколайчиком о создании Временного правительства, состоянии Армии Крайовой, границах Польши
12. 9 августа 1944 г. — Запись беседы И. В. Сталина с С. Миколайчиком о возвращении премьер-министра в страну, помощи восставшей Варшаве, послевоенной политике по отношению к Германии
13. 13 августа 1944 г. — Письмо представителя Правительства СССР при Польском комитете национального освобождения (ПКНО) генерал-полковника Н. А. Булганина председателю ПКНО Э. Осубка-Моравскому с изложением приказа Верховного Командования Красной Армии о трофейном имуществе
14. 31 августа 1944 г. — Из дневника В. М. Молотова. Прием румынской правительственной делегации по вопросу о заключении перемирия
15. [Август 1944 г.] — Из доклада политотдела 28-й армии 1-го Белорусского фронта о работе среди польского населения и его отношении к Красной Армии
16. 30 сентября 1944 г. — Информация Главного политуправления Красной Армии (ГлавПУРККА) в ЦК ВКП(б) о политическом положении в Болгарии и пребывании советских войск на болгарской территории
17. [Конец сентября 1944 г.] — Письмо регента Венгрии М. Хорти И. В. Сталину с просьбой оказать влияние на западных союзников при выработке предварительных условий перемирия с Венгрией
18. 11 октября 1944 г. — Предварительные условия перемирия, принятые делегацией Венгрии
19. 12 октября 1944 г. — Директива Военного совета 1-го Белорусского фронта о мерах по выполнению директив и приказов о разоружении формирований Армии Крайовой и изъятию у населения оружия, боеприпасов и радиоаппаратуры
20. 27 октября 1944 г. — Из постановления ГКО СССР в связи с вступлением Красной Армии на территорию Венгрии
21. 31 октября 1944 г. — Директива Ставки Верховного Главнокомандования командующим войсками 1-го и 4-го Украинских фронтов об отношении войск к населению освобожденных районов Чехословакии
22. [Октябрь 1944 г.] — Из докладной записки военного корреспондента «Комсомольской правды» С. Крушинского о положении в Словакии
23. 1 ноября 1944 г. — Докладная записка Л. П. Берии И. В. Сталину, В. М. Молотову, А. Я. Вышинскому, А. И. Антонову с изложением приказа Главного Верховного Командования Румынии о праве солдат и офицеров румынской армии, жандармерии и полиции применять оружие против советских военнослужащих
24. 3 ноября 1944 г. — Телефонограмма представителя Правительства СССР при ПКНО генерал-полковника Н. А. Булганина заместителю наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому по поводу вооруженных действий польской Армии Крайовой против Красной Армии
25. 29 ноября 1944 г. — Доклад представителя Правительства СССР при ПКНО генерал-полковника Н. А. Булганина председателю ГКО СССР о террористической деятельности Армии Крайовой и других враждебных организаций против войск Красной Армии на территории Польши

26. 22 декабря 1944 г. — Докладная записка заместителя наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозова И. В. Сталину с изложением информации генерал-майора И. З. Сусайкова об образовании Временного национального правительства Венгрии
27. 9 января 1945 г. — Запись беседы И. В. Сталина с главой делегации Национального комитета освобождения Югославии А. Хебрангом об экономической и военной помощи со стороны СССР, территориальных проблемах Югославии, отношениях с Болгарией
28. 23 января 1945 г. — Письмо И. В. Сталина Президенту Чехословацкой республики Э. Бенешу в связи с событиями в Закарпатской Украине
29. 20 февраля 1945 г. — Постановление ГКО СССР об определении западной государственной границы Польши и действии польской администрации на всей освобожденной территории Польши
30. 4 марта 1945 г. — Докладная записка заместителя начальника Главного политического управления Красной Армии (ГлавПУРККА) генерал-полковника И. В. Шикина в ЦК ВКП(б) о положении на освобожденных территориях Словакии
31. 4 марта 1945 г. — Телефонограмма по ВЧ А. Я. Вышинского В. М. Молотову о дальнейших переговорах с королем Румынии по вопросу формирования нового правительства
32. 17 марта 1945 г. — Постановление ГКО СССР об учреждении при Временном правительстве Польши экономической миссии советского правительства
33. 24 марта 1945 г. — Из записи беседы В. М. Молотова с Э. Бенешем о будущей государственной принадлежности Закарпатской Украины и необходимости оказания Чехословакии экономической помощи
34. 4 апреля 1945 г. — Донесение Военного совета 1-го Украинского фронта в ГлавПУРККА о политической обстановке на занятой территории Германии в полосе войск фронта
35. 7 апреля 1945 г. — Донесение заместителя начальника ГлавПУРККА генерал-полковника И. В. Шикина в ЦК ВКП(б) о положении в Братиславе
36. 20 апреля 1945 г. — Директива Ставки Верховного Главнокомандования командующим войсками и членам Военных советов 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов об изменении отношения к немецким военнопленным и гражданскому населению
37. [Не ранее 27 апреля 1945 г.] — Письмо А. Я. Вышинского И. В. Сталину с просьбой утвердить решение о прикомандировании к королю Румынии по его просьбе советских офицеров связи
38. 29 апреля 1945 г. — Донесение начальника политотдела 8-й гвардейской армии начальнику Политического управления 1-го Белорусского фронта об отношении советских военнослужащих к немецкому населению
39. 2 мая 1945 г. — Доклад военного прокурора 1-го Белорусского фронта Военному совету фронта о выполнении директив Ставки Верховного Главнокомандования и Военного совета фронта об изменении отношения к немецкому населению
40. 2 мая 1945 г. — Донесение члена Военного совета 3-й ударной армии Военному совету 1-го Белорусского фронта об отношении немецкого населения к советским военнослужащим
41. 8 мая 1945 г. — Доклад заместителя начальника ГлавПУРККА генерал-полковника И. В. Шикина в ЦК ВКП(б) о положении в Брно
42. 18 мая 1945 г. — Политдонесение начальника политотдела 4-ой танковой армии полковника Кладового от отношении чехословацкого населения к немцам
43. 25 мая 1945 г. — Донесение начальника Главного разведывательного управления Красной Армии генерал-лейтенанта И. А. Ильичева В. М. Молотову о внешнеполитическом положении Албании
44. 14 июня 1945 г. — Сообщение заместителя командующего 1-ым Белорусским фронтом и уполномоченного НКВД на фронте И. А. Серова Л. П. Берии о случаях самоубийств среди немецкого населения, переселяемого из Чехословакии
45. 28 июня 1945 г. — Запись беседы И. В. Сталина с З. Фирлингером и В. Клементисом о Закарпатской Украине, Тешенской области и трофейном имуществе
46. 13 июля 1945 г. — Докладная записка Л. П. Берии И. В. Сталину о мероприятиях по охране Й. Б. Тито и массовых мероприятий в Белграде
47. 11 августа 1945 г. — Докладная записка Л. П. Берии и наркома госбезопасности СССР В. Н. Меркулова И. В. Сталину и В. М. Молотову о завершении работы по организации личной охраны Б. Берута, В. Гомулки и Э. Осубки-Моравского
48. 14 сентября 1945 г. — Справка заведующего Отделом Балканских стран НКВД СССР А. В. Лаврищева о политическом положении в Румынии
49. 16 сентября 1945 г. — Из дневника В. М. Молотова. Прием государственного секретаря США Д. Бирнса в советском посольстве в Лондоне во время сессии СМВД
50. 19 сентября 1945 г. — Из дневника В. М. Молотова. Запись беседы с государственным секретарем США Д. Бирнсом во время сессии СМВД в Лондоне

51. 30 сентября 1945 г. — Из дневника В. М. Молотова. Запись беседы с государственным секретарем США Д. Бирнсом во время сессии СМИД в Лондоне

- ¹ Советским послом в Лондоне и представителем в ЕКК назначен Гусев.
- ² 11.01.1944 // АВП РФ, оп. 06, пап. 14, д.№ 145.
- ³ АВП РФ, оп. 06, пап. 14, д.№ 145, л. 3.
- ⁴ См. ниже: 4.1. Судьба Германии в проектах комиссий Литвинова и Ворошилова.
- ⁵ Там же.
- ⁶ АВП РФ, оп. 06, пап. 14, д.№ 145, л. 37.
- ⁷ См.: Личный переводчик Сталина // Известия, 22.09.1995, № 179.
- ⁸ АВП РФ, оп. 06, пап. 14, д.№ 145, л. 39.
- ⁹ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 1, д.№9, л. 22. Отчёркнуто Молотовым.
- ¹⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 1, д.№9, л. 33. Послание Молотова Черчиллю 22 апреля 1944. Письмо написано в связи с неблагоприятным для Англии освещением событий в Египте, где британцы должны были усмирять волнения греческих моряков на британских кораблях. Корабли были предоставлены им для участия в разгроме Италии (Германии). Но при известии об отправке греческой бригады в Италию для участия в боевых действиях, греческие экипажи восстали, отказавшись подчиниться приказам английского командования.
- ¹¹ АВП РФ, оп. 06, пап. 14, д.№ 145, л. 23.
- ¹² АВП РФ, ф. 05, оп. 6, пап. 14, д.№ 145, л. 37.
- ¹³ АВП РФ, ф. 06., оп. 6, пап. 14, д. № 143, л. 26.
- ¹⁴ АВП РФ, ф. 06., оп. 6, пап. 14, д. № 143.
- ¹⁵ АВП РФ, ф. 06., оп. 6, пап. 14, д. № 143, л. 26–28.
- ¹⁶ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль 1941–1945. — М., 2004.
- ¹⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 14, д.№ 141, л. 3.
- ¹⁸ На это указываю нижеприведённые слова Сталина, напрямую связавшего тактический выбор с невозможностью «послать войска» в Грецию (см. сн.28).
- ¹⁹ Известия, 30 марта 1944.
- ²⁰ Цит. по: Наринский М. М. Тольятти, Сталин и «поворот в Салерно» // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. — М., 1995, с. 123–132.
- ²¹ К такому заключению пришёл М. М. Наринский. См.: Наринский М. М. Тольятти, Сталин и «поворот в Салерно» // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. — М., 1995
- ²² 04.09.44 // АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 14, д.№141.
- ²³ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 14, д.№141, л. 79–80.
- ²⁴ 08.09.44 // АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 14, д.№ 147, л. 55.
- ²⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 137.
- ²⁶ Там же. С. 280.
- ²⁷ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х томах. т. 2. 1944–1945/ МИД СССР. — М.: Политиздат, 1983, с. 445.
- ²⁸ Национально-освободительный фронт (ЭАМ — греч.) создан 27 сентября 1941 г. для борьбы против германских, итальянских и болгарских оккупантов после оккупации Греции Германией (6 апреля 1941 г.). В ЭАМ вошли Коммунистическая, Аграрная и Социалистическая партии, Союз народных демократов, профсоюзные и молодёжные антифашистские организации. В декабре 1941 г. руководство ЭАМ приняло решение о создании повстанческой армии — Греческой народно-освободительной армии (ЭЛАС).
- ²⁹ Цит. по: Смирнов В. П. Краткая история второй мировой войны. — М.: Весь мир, 2005, с. 255.
- ³⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 16, д.№157, л. 1, 3.
- ³¹ А ВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 16, д.№157, л. 7.
- ³² АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 15, д.№150, л. 506.
- ³³ А ВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 16, д.№157, л. 8.
- ³⁴ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 15, д.№ 150, л. 8. Проект см.: Приложение № 16, 1 марта 1944, л. 478.
- ³⁵ С осени 1942 г. де Голль неоднократно запрашивал советскую сторону о возможности своего визита в Москву.
- ³⁶ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 14, д.№ 141. 25 марта 1944. Курсив мой — Е. О.
- ³⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 14, д.№ 141, л. 9. Курсив мой — Е. О.
- ³⁸ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 14, д. № 146, л. 29.
- ³⁹ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. — М.: Госполитиздат, 1959, с. 247–250.

- ⁴⁰ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. — М.: Госполитиздат, 1959, с. 527. Соответствующее Соглашение СССР с правительством Чехословакии было подписано 8 мая 1944 г. в Лондоне.
- ⁴¹ Наринский М. М. Сталин и Торез. 1944–1947. Новые материалы // Новая и новейшая история, 1996, № 1, с. 20–21.
- ⁴² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 274.
- ⁴³ Там же. С. 299.
- ⁴⁴ Там же. С. 320.
- ⁴⁵ Суто Ж.-А. Договор 1944 года и его значение для французской дипломатии // Россия — Франция. 300 лет особых отношений. — М.: ФГУК ГМВЦ «РОСИЗО», 2010, с. 264.
- ⁴⁶ Договор о союзе и взаимопомощи между СССР и Францией // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 326–330.
- ⁴⁷ Vaisse M. LaGrandeur. — P.: Fayard, 1998, p. 25.
- ⁴⁸ АВП РФ, оп. 06, пап. 14, д. № 145, л. 13.
- ⁴⁹ АВП РФ, оп. 06, пап. 14, д. № 145, л. 14.
- ⁵⁰ Согласно Мюнхенским соглашениям 1938 г. от Чехословакии была отторгнута Судетская область в пользу Германии, а Польша, воспользовавшись моментом, захватила Тешинскую область. По решению Венского арбитража 1939 г. Венгрия получила часть Словакии и Закарпатье. В марте 1939 г., с началом германской оккупации Чехословакии, Гитлер содействовал провозглашению «Независимого Словацкого государства» во главе с католическим епископом Йозефом Тисо, который обеспечивал военные и экономические интересы Рейха, не нуждаясь в оккупационном режиме. В Чехии был образован Протекторат Богемии и Моравии под руководством германского протектора.
- ⁵¹ Подписан в Москве 12 декабря 1943 г. Следует заметить, что У. Черчилль был первоначально противником договора, стремясь обеспечить британские позиции в послевоенной ЦВЕ (особенно в Польше и Чехословакии, эмигрантские правительства которых находились в Лондоне).
- ⁵² Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. — М.: Госполитиздат, 1960. № 116, с. 212.
- ⁵³ Молотов рассказал о разговоре с Бенешем руководителю югославской военной миссии связи, коммунисту Джиласу: АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 58, д. № 799, л. 30. 24 апреля 1944. Курсив мой — Е. О.
- ⁵⁴ По соглашению, подписанному 18 июля 1941 г. в Великобритании советским послом И. М. Майским и министром иностранных дел эмигрантского правительства в Лондоне Я. Масариком. Чехословацкий корпус в составе 4-х бригад осенью 1944 г. подчинялся командующему Первого Украинского фронта маршалу Коневу.
- ⁵⁵ Записка комиссара госбезопасности Г. С. Жукова И. В. Сталину о беседе с чехословацкими военными представителями по вопросу о помощи СССР в случае вооруженного восстания в Словакии 01.03.1944 / Советский Союз и словацкое национальное восстание 1944 г. // Новая и новейшая история, 1996, № 5, Документ № 2, с. 111.
- ⁵⁶ Записка комиссара госбезопасности Г. С. Жукова И. В. Сталину с сообщением о готовящейся оккупации Словакии 07.12.1943 / Советский Союз и словацкое национальное восстание 1944 г. // Новая и новейшая история, 1996, № 5, Документ № 1, с. 110.
- ⁵⁷ Марьина В. В. Советский Союз и словацкое национальное восстание 1944 г. // Новая и новейшая история, 1996, № 5, с. 101–102.
- ⁵⁸ Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. — М.: Госполитиздат, 1960. № 80, с. 148.
- ⁵⁹ Г. С. Жуков — собеседник Пики, комиссар государственной безопасности — уполномоченный СНК СССР по делам иностранных военных формирований на советской территории.
- ⁶⁰ Советский Союз и словацкое национальное восстание 1944 г. // Новая и новейшая история, 1996, с. 104.
- ⁶¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 355.
- ⁶² Там же. С. 116–125.
- ⁶³ Телеграмма В. Лебедева в Народный комиссариат иностранных дел от 24.02.1944 // Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. — М.: Госполитиздат, 1960. № 82, с. 154.
- ⁶⁴ О советско-чехословацком соглашении на случай вступления советских войск на территорию Чехословакии. Заявление тов. А. Я. Вышинского // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 121.
- ⁶⁵ Советский Союз и словацкое национальное восстание 1944 г. // Новая и новейшая история, 1996, с. 104.
- ⁶⁶ Записка комиссара госбезопасности Г. С. Жукова Сталину о беседе с чехословацкими военными представителями от 1 марта 1944 г. // Советский Союз и словацкое национальное восстание 1944 г. // Новая и новейшая история, 1996, № 5, Документ № 2, с. 113.
- ⁶⁷ Подпольный Военный Совет Словакии создан в марте 1944 г.
- ⁶⁸ Записка Л. З. Мехлиса И. В. Сталину от 5 августа 1944 г. // Советский Союз и словацкое национальное восстание 1944 г. // Новая и новейшая история, 1996, № 5, Документ № 4, с. 116.
- ⁶⁹ Советский Союз и словацкое национальное восстание 1944 г. // Новая и новейшая история, 1996, № 5, Документ № 5, 118.

- ⁷⁰ Запись беседы генерал-майора Славина с К. Шмитке (так в тексте даётся фамилия Шмидке)//Советский Союз и словацкое национальное восстание 1944 г. // Новая и новейшая история, 1996, № 5, Документ №7, с. 123.
- ⁷¹ Советский Союз и словацкое национальное восстание 1944 г. // Новая и новейшая история, 1996, № 5, с. 120, примечание 71.
- ⁷² Там же. С. 119. Курсив мой — Е.О.
- ⁷³ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. — М., 1978, с. 328.
- ⁷⁴ Советский Союз и словацкое национальное восстание 1944 г. // Новая и новейшая история, 1996, № 6, Документ №10.
- ⁷⁵ Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. — М.: Госполитиздат, 1960. № 96, с. 183–186.
- ⁷⁶ Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. — М.: Госполитиздат, 1960. № 107, с. 201.
- ⁷⁷ Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. — М.: Госполитиздат, 1960. № 109, с. 203.
- ⁷⁸ Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. — М.: Госполитиздат, 1960. № 110, с. 205.
- ⁷⁹ Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. — М.: Госполитиздат, 1960. № 111.
- ⁸⁰ Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. — М.: Госполитиздат, 1960. № № 112–113.
- ⁸¹ АВП РФ, Ф. 06, оп. 6, пап. 14, д. 142, л. 66 // Записка Литвинова Молотову «Об обращении с Германией. (Подчеркнуто Молотовым).
- ⁸² Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. — М.: Госполитиздат, 1960. №118, с. 215–217. Курсив мой — Е.О.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Послание Председателя Совета народных комиссаров СССР Президенту Чехословацкой республики // Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. — М.: Госполитиздат, 1960. № 122, с. 221. Курсив мой — Е.О.
- ⁸⁵ Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. — М.: Госполитиздат, 1960. № 123, с. 225.
- ⁸⁶ Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. — М.: Госполитиздат, 1960. № 125, 126.
- ⁸⁷ Цит. по: Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. Составитель Е.Я. Трояновская. — М.: Политиздат, 1990. С. 257.
- ⁸⁸ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х томах. т. 2. 1944–1945/ МИД СССР. — М.: Политиздат, 1983, N 2, с.5–6.
- ⁸⁹ Советско-чехословацкий договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве на 20 лет подписан в Москве 12 декабря 1943 г. с чехословацким эмигрантским правительством Бенеша.
- ⁹⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 46, д.№607, л. 5.
- ⁹¹ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 46, д.№607, л. 22.
- ⁹² Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х томах. т. 2. 1944–1945/ МИД СССР. — М.: Политиздат, 1983, N 19, с.33.
- ⁹³ Цит. по: Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. — М.: Терра, 2006. С. 144–145.
- ⁹⁴ АВП РФ, ф. 06, оп. 05, пап. 27, д.№ 309, л. 11–15.
- ⁹⁵ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — М.: Политиздат, 1957, Т. 2.: переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном. — М.: Политиздат, 1957, N 256, с. 212–213.
- ⁹⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — М.: Политиздат, 1957, Т. 1.: переписка с У. Черчиллем. — М.: Политиздат, 1957, N257 с.213–215. Курсив мой — Е.О.
- ⁹⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 46, д.№608, л. 14.
- ⁹⁸ Компартия Польши решением Коминтерна была распущена еще в 1938 г. по ложному обвинению в провокации её руководителей, которые были в СССР репрессированы. Сохранившиеся в подполье её организации и группы были объединены 5 января 1942 г. в Польскую рабочую партию (ППР). В январе она призвала к созданию широкого национального фронта против оккупантов. В 1942 г. ею была создана вооруженная организация Гвардия Людова.
- ⁹⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 154–155.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 155.
- ¹⁰¹ НКВД и польское подполье 1944–1945 (По «особым папкам» Сталина). — М.: 1994.
- ¹⁰² АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 49, д.№ 667, л. 8.

- 103 АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 46, д.№608, л. 81.
- 104 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 164, 165, 167.
- 105 АВП РФ, оп. 06, пап. 14, д.№ 145, л. 37.
- 106 АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 46, д.№608, л. 32.
- 107 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 162.
- 108 Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. — М.: Терра, 2006, с. 156.
- 109 Русский архив. Великая отечественная война и Польша. 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994, с. 206.
- 110 АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 46, д. 608, л. 81.
- 111 АВП РФ. Ф. 06, оп. 6, д. 550, л. 7.
- 112 Frerejean A. Churchill et Staline. — Paris: Perrin, 2013. Chap. 13: Meurtre a Varsovie. P. 299.
- 113 ГПУ и варшавское восстание в документах и архивах спецслужб. Варшава-Москва 2007, с. 742.
- 114 Цит. по: История ВОВ Сов.Союза. Т. 4, с. 233.
- 115 АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 42, д.№ 550, л. 26.
- 116 АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 46, д.№608, л. 81.
- 117 АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 46, д.№608, л. 101.
- 118 АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 23, д. 242, л. 18. Курсив мой — Е. О.
- 119 АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 46, д.№608, там же.
- 120 Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — М.: Политиздат, 1957, Т. 2.: переписка с Ф Рузвельтом и Г. Трумэном. — М.: Политиздат, 1957. N 223, с. 156
- 121 Сиполс В. Я. Великая победа и дипломатия. 1941–1945. — М.: «Новина», 2000. с. 221.
- 122 АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 23, д.№ 242, л. 16.
- 123 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 164.
- 124 АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 46, д.№608, л. 97–98.
- 125 Беседа Молотова с Гарриманом 17 августа 1944: АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 23, д.№ 242, л. 16, 18.
- 126 Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. — М.: Терра, 2006, с. 145.
- 127 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 164.
- 128 Там же. С. 165.
- 129 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 2, с. 214–215.
- 130 Документы по истории советско-польских отношений. Т. 8, с. 271–272.
- 131 АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 42, д. 555, л. 17–19. Запись беседы т. Сталина с Миколайчиком 18 октября 1944.
- 132 АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 22, д.№228, л. 84. Иден и Молотов 18 октября 1944.
- 133 08.12.44 // Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — М.: Политиздат, 1957, Т. 1. — М.: Политиздат, 1957. N 367, с.287.
- 134 Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — М.: Политиздат, 1957, Т. 2.: переписка с Ф Рузвельтом и Г. Трумэном. — М.: Политиздат, 1957, N256, с.182
- 135 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 132–133.
- 136 Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х томах. т. 2. 1944–1945/ МИД СССР. — М : Политиздат, 1983. № 41, с. 55.
- 137 Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х томах. т. 2. 1944–1945/ МИД СССР. — М : Политиздат, 1983. № 47, с. 68.
- 138 Сиполс В. Я. Великая победа и дипломатия. 1941–1945. — М.: «Новина», 2000. с. 199.
- 139 *О советско-финских отношениях на пресс-конференции в Наркоминделе СССР. 22 апреля 1944 // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 110.*
- 140 Там же. С. 112.
- 141 Сиполс В. Я. Великая победа и дипломатия. 1941–1945. — М.: «Новина», 2000. с. 201.
- 142 *О советско-финских отношениях. Информбюро Наркоминдела СССР. 4 сентября 1944 // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 177.*
- 143 *О советско-финских отношениях на пресс-конференции в Наркоминделе СССР. 22 апреля 1944 // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 178–179.*

- ¹⁴⁴ Соглашение о перемирии между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединённым Королевством Великобритании и Северной Ирландии, с одной стороны, и Финляндией, с другой. Ст. 20–21 // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 219–220.
- ¹⁴⁵ Соглашение о перемирии между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединённым Королевством Великобритании и Северной Ирландии, с одной стороны, и Финляндией, с другой // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 215–220.
- ¹⁴⁶ Приложения к «Соглашению о перемирии между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединённым Королевством Великобритании и Северной Ирландии, с одной стороны, и Финляндией, с другой // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 221–228.
- ¹⁴⁷ Заявление Советского Правительства в связи со вступлением частей Красной Армии на румынскую территорию // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 105.
- ¹⁴⁸ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 1, д. 9, л. 37.
- ¹⁴⁹ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 1, д. №9, л. 48. 29 апреля 1944.
- ¹⁵⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 1, д. 9, л. 2.
- ¹⁵¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 132–133.
- ¹⁵² Лебедев Н. И. Падение диктатуры Антонеску. М, 1966.
- ¹⁵³ Заявление Наркоминдела СССР в связи с событиями в Румынии. 25 августа 1944 // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 172.
- ¹⁵⁴ Справка об условиях перемирия с Румынией, предложенных Советским Правительством в апреле 1944 г. 27 августа 1944 // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 175.
- ¹⁵⁵ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 46, д. №608. л. 116.
- ¹⁵⁶ Соглашение между правительствами Советского Союза, Соединённого Королевства и Соединённых Штатов Америки, с одной стороны, и Правительством Румынии, с другой стороны, о перемирии // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 206.
- ¹⁵⁷ В беседе с Молотовым 9 октября 1944 г. // АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 22, д. №228, л. 38.
- ¹⁵⁸ Монархи Европы. — М.: Республика, 1996, с. 489.
- ¹⁵⁹ 14 октября 1944. АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 22, д. №228, л. 64.
- ¹⁶⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 14, д. 141. Комиссия Литвинова по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства. Протокол заседания 08.06.44. Л. 48–49.
- ¹⁶¹ Соглашение между правительствами Советского Союза, Соединённого Королевства и Соединённых Штатов Америки, с одной стороны, и Правительством Румынии, с другой стороны, о перемирии // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 210.
- ¹⁶² АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 15, д. №151, л. 15.
- ¹⁶³ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 22, д. №228, л. 41. Беседа Молотова с Иденом 9 октября 1944 г. Молотов рассказал, что накануне принимал делегацию венгров, которая доставила письмо Хорти маршалу Сталину. Делегация разъяснила, что инициатива её приезда якобы исходила от некоего подполковника Макарова, якобы (сослагательное наречие употреблено наркомом повторно) действующего в составе одного из советских партизанских отрядов. Молотов заявил венграм, что ему такой полковник неизвестен и что Советское правительство не давало ему никаких полномочий
- ¹⁶⁴ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 46, д. №608, л. 147.
- ¹⁶⁵ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 22, д. №228, л. 53.
- ¹⁶⁶ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 22, д. №228, л. 41. Беседа Молотова с Иденом 10 октября 1944 г.
- ¹⁶⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 46, д. №608, л. 155.
- ¹⁶⁸ Ф. 06, оп. 6, п. 14, д. 143, л. 85.
- ¹⁶⁹ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 46, д. №607, л. 58.
- ¹⁷⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 46, д. №607, л. 87.
- ¹⁷¹ К разрыву болгаро-советских отношений. Сообщение Информбюро Наркоминдела СССР // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 186.
- ¹⁷² Там же, с. 187.
- ¹⁷³ Нота Советского Правительства от 9 мая 1944 г. // Там же, с. 191.
- ¹⁷⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 197.
- ¹⁷⁵ В ноте советского правительства от 30 августа 1944 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 198.
- ¹⁷⁶ Нота Советского Правительства Правительству Болгарии 5 сентября 1944 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 182–183.
- ¹⁷⁷ 7 сентября 1944 г.: К разрыву болгаро-советских отношений // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 182–183.

- ¹⁷⁸ С июля 1942 г. в Болгарии действовала организованная и боеспособная сила — подпольный Отечественный фронт в составе БКП, левого крыла Болгарского земледельческого народного союза, левых социал-демократов, политической группы военных и интеллигентов «Звено», в 1944 г. преобразованной в партию. В августе был сформирован Национальный комитет Отечественного фронта. С июля 1942 г. в Болгарии были организованы партизанские отряды — *четы*, а в горах были созданы крупные партизанские соединения. Всего к концу августа 1944 г. партизаны насчитывали 1 дивизию, 9 бригад, 37 отрядов и отдельные боевые группы общей численностью около 30 тыс. человек, объединённых в 12 оперативных зон во главе с подпольным Главным штабом Народно-освободительной армии. Наиболее влиятельной силой подполья были коммунисты во главе с одним из самых знаменитых антифашистов Георгием Димитровым — председателем Исполкома Коминтерна до его роспуска в 1943 г., постоянно проживавшим в СССР. Г. Димитров получил советское гражданство в 1934 г.
- ¹⁷⁹ Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. — М., 1976. Т. 1., с. 608.
- ¹⁸⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 22, д.№228, л. 45.
- ¹⁸¹ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 22, д.№228,
- ¹⁸² АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 22, д.№228, л. 47.
- ¹⁸³ Ржешевский О. А. Операция Толстой. Визит У. Черчилля в Москву в октябре 1944 г. // Новая и новейшая история. 2003. №5, с. 112.
- ¹⁸⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 6. — М., 1998, с. 123–124.
- ¹⁸⁵ Подробнее см. ниже, в разделах, посвящённых Болгарии, Румынии, Венгрии, Югославии.
- ¹⁸⁶ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 22, д.№228, л. 46.
- ¹⁸⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 22, д.№228, л. 49–51.
- ¹⁸⁸ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 22, д.№228, л. 53.
- ¹⁸⁹ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 22, д.№228, л. 66. 16 октября 1944. Молотов и Иден.
- ¹⁹⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 22, д.№228, л. 57.
- ¹⁹¹ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 22, д.№228, л. 62.
- ¹⁹² АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 58, д.№799, л. 29.
- ¹⁹³ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 22, д.№228, л. 45–46.
- ¹⁹⁴ Соглашение между правительствами Советского Союза, Соединённого Королевства и Соединённых Штатов Америки, с одной стороны, и Правительством Болгарии, с другой стороны // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 286–291.
- ¹⁹⁵ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 1, д.№9, л. 80.
- ¹⁹⁶ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 1, д.№9, л. 87.
- ¹⁹⁷ Его председателем избран Иван Рибар — белградский адвокат, один из лидеров Демократической партии и председатель Учредительного собрания Югославии. Два его сына — партизаны-подпольщики погибли в годы оккупации. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 87.
- ¹⁹⁸ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 57, д.№791, л. 12.
- ¹⁹⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 85.
- ²⁰⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 58, д.№798, л. 10; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 90.
- ²⁰¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 106.
- ²⁰² АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 58, д.№799, л. 6, 9.
- ²⁰³ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 58, д. 799, л. 30. 24 апреля 1944.
- ²⁰⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 136.
- ²⁰⁵ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 1, д.№9, л. 10.
- ²⁰⁶ Там же. Подчёркнуто Молотовым.
- ²⁰⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 1, д.№9, л. 8–9.
- ²⁰⁸ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 1, д.№9, л. 34. 22 апреля 1944.
- ²⁰⁹ Сиполс В. Я. Великая победа и дипломатия. 1941–1945. — М.: «Новина», 2000. с. 227.
- ²¹⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 57, д.№791, л. 16.
- ²¹¹ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 57, д.№791, л. 37. Вручено Шубашичу 16 июня на о-ве Вис.
- ²¹² АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 57, д.№791, л. 43.
- ²¹³ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 57, д.№791, л. 56.
- ²¹⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 179.
- ²¹⁵ Броз Тито И. Избранные статьи и речи. — М., 1973, с. 148.

- ²¹⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 236.
- ²¹⁷ Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. — М.: Международные отношения, 1987, с. 476.
- ²¹⁸ Беседа Молотова и Идена 10 октября 1944 г. АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 22, д. 228, л. 40.
- ²¹⁹ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 22, д. №228, л. 66. 16 октября 1944. Молотов и Иден.
- ²²⁰ Записи бесед Идена и Молотова 9–18 октября 1944 // АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 22, д. №228,
- ²²¹ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 22, д. №228, л. 51.
- ²²² АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 22, д. №228, л. 53.
- ²²³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. — М.: Огиз, 1946, т. 2, с. 308–309.
- ²²⁴ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 58, д. №796, л. 24.